

МАША ЛОВЫГИНА

**ТА,
КОТОРОЙ
НЕТ**

16+

Маша Ловыгина
Та, которой нет

«Автор»

2021

Ловыгина М.

Та, которой нет / М. Ловыгина — «Автор», 2021

При первой же возможности Влада попыталась изменить жизнь и занять место рядом с мужчиной своей мечты, потеснив заклятую подругу. Но мечта разбивается в прах, когда приходит понимание, что он может быть причастен к смерти своей бывшей любовницы...

© Ловыгина М., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Пролог	6
1	7
2	10
3	13
4	15
5	18
6	21
7	24
8	27
9	30
10	33
11	36
12	38
13	40
14	43
15	46
16	49
17	51
18	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Маша Ловыгина

Та, которой нет

*Примеряя чужую судьбу на собственные плечи,
будь осторожен в своем выборе.*

Пролог

Влада лежала одетая в кровати в полной темноте, прислушиваясь к тому, что происходит снаружи. Она старалась вести себя так тихо, что даже запретила себе дышать полной грудью. Неужели сегодня повторится то же, что и прошлой ночью?! Почему это вообще происходит? ОН что, оборотень? И сказки про них – реальность?

Едва уловимый звук заставил ее подскочить, а от скрипа кровати на спине выступил холодный пот.

«Что это? ОН?!»

Звук повторился. Влада подтянула колени к подбородку и обхватила их руками, сдерживая дрожь. Но тело не слушалось, тряслось словно осиновый лист на ветру. Вот уже и зубы начали выбивать чечётку панического страха.

«Сама виновата, идиотка! – промелькнуло в голове. – Ведь могла же уйти еще в первый день...»

Стоило ли снова упрекать себя в глупости или самообмане? Она же хотела Бархатова, вот и получила его. Только теперь не знает, что со всем этим делать...

А вот Стася знала и умела обуздать его. Но что, если, и с ней произошло то же самое? Испытывала ли она такой же страх? И так ли случайна ее смерть?!

Скрежет ключа в замочной скважине оглушил. Влада прикусила палец, чтобы не закричать.

Теперь ОН стоял прямо перед ее дверью.

«Я точно заперла ее?!»

Она сползла с кровати и на трясущихся ногах подошла ближе. Приложила влажную ладонь к задвижке, ощупала ее положение. Сердце застучало с такой силой, что она зажмурилась от ужаса – вдруг ОН услышит?!

– Открой дверь... – голос Бархатова раздался совсем близко. – Я не могу без тебя...

Влада отступила, затем сделала еще несколько шагов, пока не уперлась в спинку кровати. Главное, ничего не говорить. Терпеливо ждать, пока ОН не уйдет. Пусть даже несколько часов. Лишь бы не сломал дверь...

И в ту же секунду, как она подумала об этом, дверь сотряс мощный удар.

– Открой эту чертову дверь, я сказал! Что ты хочешь, чтобы я сделал?!

Влада вцепилась зубами в нижнюю губу – молчать во что бы то ни стало!

– Я не могу без тебя! – зарычал Бархатов, нанося удары кулаком. С потолка и между стен что-то посыпалось.

«Я сама виновата... Надо было обо всём рассказать Глебу. Если Бархатов сломает замок и зайдет сюда, я, наверное, умру от разрыва сердца. Господи, какая же я глупая...»

Влада зажала уши ладонями, чтобы не слышать ЕГО голоса, но остановить свои мысли не могла.

«Позвонить Глебу... И что сказать? Что Бархатов сошёл с ума? Он не поверит. Как же доказать это? Если только...»

Влада кинулась к тумбочке, схватила телефон и включила на запись. Бархатов за дверью взвыл, словно раненый зверь:

– Я всё равно доберусь до тебя! Мы будем вместе, Стася! Стася!!!

1

Суббота. Влада

Каждое утро субботы в торговом центре «Колизей» отличалось от будних дней, так что уж говорить о праздниках. И хотя народ здесь не переводился никогда, по выходным, кажется, весь город собирался именно в «Колизее». Огромная площадка первого этажа, куда выходили смотровые балконы, становилась то концертным залом, то театральным помостом, то модным дефиле. Иллюминация загоралась с раннего утра и, пока рабочие настраивали декорации в течение нескольких часов, а то и дней, в воздухе сквозило предвкушение праздничного действия.

Новый год, Рождество – что может быть лучше?

Влада с таким восторгом воспринимала подготовительную суматоху, что постоянно бегала под разными предлогами посмотреть, что ещё придумала и сделала группа дизайнеров на этот раз.

– Тимофеевна, я на минуточку! – прошептала она, подпрыгивая от нетерпения, пока уборщица была ещё на месте и протирала и без того сверкающие витрины.

– Иди уже, – Тимофеевна махнула тряпкой, – только не задерживайся. Ольга Александровна увидит, отчихвостит нас с тобой. С Милой сегодня работаешь?

– Ага, она через полчаса придёт. Мы договорились. Я быстро!

– Нет пока никого, – заговорщицки кивнула уборщица. Выглянув из стеклянных дверей, она поправила фирменную курточку на груди и важно приосанилась. – Я присмотрю.

Влада пулей выскочила в коридор, разбежалась и последние пару метров до лестницы проехала на подошвах туфель. Вцепившись в поручень, она ахнула, поражённая открывшимся видом. Похоже, работа шла всю ночь – по периметру были расставлены искусственные пушистые ели, в центре, словно озеро, сверкал каток, а по его бортикам переливались золотистые фонарики. Несколько избушек, припорошенных синтетическим снегом, напоминали пряничные домики из сказки. Влада почти увидела дымок, поднимающийся из стилизованной кирпичной трубы. Скамейки вокруг импровизированного леса и катка были покрашены белой краской, а на сидениях отчётливо виднелись серебряные трафареты снежинок. Рождественские мелодии, звучащие из динамиков, дополняли картину, и Влада почувствовала приближение чего-то сказочного и чудесного, которое обязательно случится с ней совсем скоро.

И счастье было бы абсолютно полным, если бы она увидела сейчас Его. Того, кто занимал все ее мысли, являлся во снах, заставляя вздрагивать при появлении на горизонте любого мало-мальски похожего на него человека. Вот вчера Его не было, и день казался пустым, словно лишённым красок. Влада еле дождалась вечера, так её всё бесило. Но сегодня её просто распирало изнутри – Он должен, должен появиться!

– Влада? – Голос Ольги Александровны, хозяйки бутика «Подиум», в котором она работала, моментально отрезвил и направил мысли и настроение в противоположное русло.

Влада прикусила губу, пытаясь придумать хоть какое-то оправдание, но Ольга Александровна уже и так всё поняла. Изогнув перманентную бровь, она смотрела на нее в упор, заставляя сникать все больше.

– Белогурова, не заставляй меня пожалеть о своём решении, – прошипела Ольга Александровна и запахнула норковое манто.

Развернувшись, Влада подтянула хвост на затылке и зашагала к магазину, чувствуя взгляд хозяйки, упёршийся в её спину.

Вот ведь засада! Какой чёрт принёс её с самого утра, неужели дома делать нечего? Наверное, так и есть. Не надо заниматься уборкой и готовкой – хозяйство в руках домработницы, дети выросли, внуков, вроде бы, тоже нет. Но даже когда они появятся, Ольга Александровна

не станет щедро делиться этой информацией. В погоне за молодостью и красотой в ход идёт всё, однако ни моложе, ни красивее она выглядеть не будет – слишком злая. И то, что она взяла Владу на работу, связано не с мнимым желанием облагодетельствовать сироту, а лишь с тем, что выдержать её характер может только очень терпеливый и сдержанный человек. Сама виновата, не надо было выкладывать свою подноготную на собеседовании...

Тимофеевны в магазине уже не было, а вот Милка, слава Богу, стояла за кассой. Сделав «страшные» глаза, она задала Владе немой вопрос. Влада коротко кивнула и тут же стала расправлять на стойках выставочные образцы.

Ольга Александровна появилась через пару минут и провела в бутике полчаса, придираясь по мелочам и на ходу придумывая задания. Когда она наконец удалилась, Мила шумно выдохнула:

– Ты дождёшься когда-нибудь! И мне попадёт из-за тебя.

– Ну прости, прости, – тихо произнесла Влада, скользнув глазами по камерам. Делая вид, что рассматривает вышивку на платье, она продолжила. – Ты всё успела?

– Да, спасибо! – Мила подвигала челюстью. – Отремонтировала. Но денег жалко, трындец!

– Да, денег не хватает, – вздохнула в ответ Влада.

– Ну, тебе-то куда их тратить? – усмехнулась Мила и оглядела себя в зеркало.

– Нашла бы куда, – передёрнула плечами Влада. – Думаешь, мне ничего не хочется?

– К деньгам привычку надо иметь.

– Привыкла бы, – хмыкнула Влада. – Уж поверь, к хорошему быстро привыкаешь. –

Услышав звук шагов, она повернулась. В тот же момент ее сковало по рукам и ногам и чуть не отбросило в сторону. Дыхание перехватило и запекло в груди. Но ровно через мгновение тело будто воспарило в невесомости – Влада даже пальцев своих не чувствовала. – Здравствуйте... – только и смогла выдавить из себя.

В бутик вошёл Он.

Опустив глаза, Влада тут же подняла их вновь. Каждый раз, когда она видела его в «Колизее», её сердце сладостно замирало, а затем начинало выделять такие кульбиты, что кровь прилиwała к голове и грозила сердечным или мозговым приступом.

– Добрый день! – Мила, словно раскрывшийся бутон, нависла над витриной, с жадностью разглядывая вошедшего.

Ещё бы – он был высоким, с развёрнутыми крепкими плечами и такими глазами, про которые говорят: упасть, не встать. Смуглые скулы, темные брови, густые волосы и лёгкая небритость. Парфюм подобран таким образом, что невозможно воспринимать его отдельно, словно он прирос к коже своего хозяина, став его естественным ароматом.

Влада сглотнула, не в силах произнести больше ни слова. Мила же, наоборот, не могла заткнуться – выдала сначала основную словесную часть про новые коллекции и скидки на старые, перечислила все услуги, предлагаемые магазином, а переведя дыхание, начала всё с самого начала... Влада осторожно помахала ей ладошкой, привлекая внимание, и заставила наконец замолчать.

Мужчина прошёл мимо кронштейнов с прошлой коллекцией, быстро оглядел новую. Остановился перед манекеном в чёрном переливающимся платье с глубоким вырезом и стал молча смотреть на него.

– Вчера пришло. Только в одном экземпляре. Маленький размер... А цена, как у большого самолёта... – выпалила Мила, не сдержавшись.

Влада во все глаза смотрела на отражение мужчины в зеркале.

Он, кажется, усмехнулся. Нет, показалось... Челюсть его была напряжена до предела. Влада видела, как ходили желваки на его щеках. Внезапно он поднял глаза и уставился своими

угольными зрачками прямо на Владу. Так, что она вспыхнула. Ни слова не говоря, мужчина кивнул пару раз, затем развернулся и вышел.

– Вот чёрт, я аж вспотела! – Мила округлила глаза. – Вот это мужик, скажи?

Влада смутилась.

– Нормальный... – проямлила она и подошла к манекену.

Она сама натягивала на него это платье, перед этим два раза вымыв руки и обтерев их дополнительно салфеткой. Ведь наряд был просто великолепен. При всей видимой лёгкости, за счёт очень мелких пайеток, похожих на рыбью чешую, оно стремилось вниз, идеально обтягивая фигуру. Пока – манекена... Кто та счастливица, которой предстоит почувствовать на своей коже шёлковую подкладку и завистливые взгляды людей? Быть может, и этот красивый мужчина будет смотреть на обладательницу платья, тайно вождедая её.

«Бог с тобой, золотая рыбка, – тут же подумалось Владе, – разве будет такой желать кого-то тайно? Смешно даже представить. У него вид победителя, которому все сдаются без боя. Вот уже и ты сама допускаешь, что если вдруг он захочет... предложит...»

У Влады зашумело в голове и поплыло перед глазами. «Если он захочет...»

2

– Алё, гараж, вы меня слышите? – Мила постучала ногтем по стеклу. – Заканчивай мечтать. Скоро Лиса Алиса явится. Всё готово?

– Конечно! – встрепенулась Влада, помотав головой. – Сейчас принесу.

Лисой Алисой они за глаза называли постоянную покупательницу, муж которой, криминальной внешности и с бельмом на глазу, был похож на наглого Кота Базилио.

– Платьишко суперское, – Мила оглядела чёрное искрящееся великолепие, выпрямила спину и попыталась втянуть круглый животик. – Но на кого такие шьют?

Влада пожалала плечами. Вообще-то это её размер, вот только не носить ей подобных нарядов ни во сне, ни наяву.

– Интересно всё-таки, кто он... – задумчиво произнесла она, складывая заказанные юбку и блузку в большой фирменный пакет.

– В смысле? – удивилась Мила, оформляя в прозрачную слюду новогоднюю ароматическую свечу, которая стала подарком к покупке.

– Я видела его пару раз в центре, – скусающим голосом продолжила Влада. На самом деле, гораздо больше, но Миле совсем незачем знать, почему она так часто выбегает из магазина, и почему у нее сейчас так кружится голова.

– Ну ты даёшь, Белогурова, – всплеснула руками Мила. – Это же сам Бархатов!

– Бар-ха-тов... – нараспев произнесла Влада и улыбнулась. – Надо же! Какая мягкая фамилия.

– Ну да, приятная, – не стала спорить Мила. – По мне, так и Велюров не жёсткая, а ещё Атласов, например!

– Или Шёлковый, – продолжила Влада.

– С такими деньгами любая фамилия хороша, – хмыкнула Мила.

– Даже Пердоленко, – скривилась Влада, упомянув хозяйку «Подиума».

Они прыснули в кулаки – громко смеяться, впрочем, как и разговаривать, в магазине было запрещено.

– Я смотрю, у вас тут веселье! – Как всегда не вовремя появилась Ольга Александровна.

«Когда ты уже свалишь домой», – вздохнула Влада, прекрасно понимая, что других дел, кроме своего магазина, у хозяйки не было. А в центре можно было провести целый день, гуляя по бутикам, кушая в многочисленных ресторанах и общаясь со знакомыми.

– Вот, Ольга Александровна, готовимся! Сейчас Лиса... Анна Николаевна приедет за готовым комплектом.

– Всё подошло? – тревожно спросила хозяйка, искоса посмотрев на Владу.

– Обижаете, Ольга Александровна, – ответила та, вспыхнув, ведь заказ по размерам делала именно она.

– Тебя обидишь, пожалуй, – язвительно заметила Ольга Александровна. – Вы там в своём детском доме не особо обидчивые...

Лицо Влады покраснело до самых ушей.

– Я же вам говорила, что совсем недолго там была, а потом меня дедушка забрал!

– Ну-ну, – Ольга Александровна покачала головой, а затем вдруг всплеснула руками. – Вот ведь, заболтала ты меня! Платье-то! Господи, это, – она ткнула пальцем в сторону главного манекена, – упакуйте в родную коробку, – Ольга Александровна сделала акцент на слове «родную». – И обвяжите шёлковой лентой. Красной.

– У нас её почти совсем не осталось, – ахнула Влада. – На коробку не хватит...

– Белогурова, – понизив голос, Ольга Александровна качнулась навстречу, обдав терпким запахом натурального меха, духов и коньяка. – Реши вопрос! Отправьте с курьером по этому

адресу, – она выудила из кармана визитку. – Чёрт, чуть не забыла. Букет ещё, из красных роз. Двадцать пять штук просил. Закажите! Самые свежие пусть оформят.

У Влады даже рот открылся от удивления.

– Ольга Александровна, всё будет сделано в лучшем виде! – подлетела Мила. – Влад, давай, снимай платье аккуратненько, а то я зацепить боюсь.

Когда хозяйка ушла, Влада обернулась к Миле.

– Это как вообще?

– Ой, ну чего ты удивляешься? У богатых свои причуды! Ещё не поняла за два месяца?

За два месяца, конечно, Влада много чего увидела и услышала, вон даже предмет для обожания встретила, но вот чтобы так просто отправить товар...

– Без денег?!

Мила скривила рот и помахала визиткой перед ее носом:

– Разберутся между собой, не переживай. Господин Бархатов желает это платье! Понятное дело, не для себя. Но снимать его с кого-то будет именно он!

Влада прикусила себя изнутри за щёку и с силой сжала, чтобы не выдать эмоции. Неужели сейчас с ней случился приступ ревности? Такой тоненький укол, похожий на укусы комара, но очень болезненный...

Мила позвонила в службу доставки, а затем в цветочный салон «Флёр» на первом этаже. Минут десять трепала языком со своей тамошней подружкой, пока Влада следила за прямоугольным кусочком картона в её руке и нетерпеливо топталась на месте.

Как только Мила освободилась, в бутик зашли покупатели – приятная пара пожилого возраста, чтобы купить подарок своей внучке. Они уже знали, чего хотели, потому что дама, нацепив на нос очки в золотой оправе и чуть откинув голову в симпатичной шляпке, хорошо поставленным голосом зачитала имя дизайнера и артикул. Влада, быстро сориентировавшись, уточнила размер и вынесла со склада нежно-розовое шифоновое платье с длинной плиссированной юбкой, спрятанное внутри прозрачного пакета. Взглянув на ценник, она откашлялась и назвала сумму. Мужчина достал портмоне и подошёл к кассе. Улыбаясь во все свои отреставрированные зубы, Мила выбила чеки. Пока Влада упаковывала зефирное платье, она успела предложить им ещё и новые шейные платки. Дама приложила парочку к лицу мужа и, коротко кивнув, забрала оба.

– Эх, да... – посмотрела им вслед Мила. – Когда деньги есть, и стареть не страшно. Вышли люди, прогулялись, подарочков накупили на сорок тыщ, а ты месяц на половину выживать должна.

Влада вздохнула – а ещё за квартиру следует заплатить вовремя, и одеться худо-бедно. Вон Милка – то у родителей живёт, то у своего парня. И сытно, и весело.

– Мил, так что там с Бархатовым? – тихо спросила она.

Народ фланировал по коридорам, но к ним никто не заходил. Оно и понятно – слишком дорого для простых людей. Сюда можно заскочить или специально, или по глупости, но глупых среди толпы становилось всё меньше и меньше с каждым днём.

– Где? – Мила пододвинула к себе длинную белоснежную коробку с золотым позументом и уставилась на Владу.

– Я про Бархатова...

– Лента где?

Влада хлопнула себя по лбу:

– Чёрт! Лента! Жди, я быстро! – Она кинулась на выход, затем вернулась, рванула в подсобку за деньгами и только потом вниз по лестнице, в большой швейный магазин.

Здесь её уже знали. Помахав продавцам-консультантам, Влада стала придирчиво изучать полки, подбирая нужный цвет и ширину. Купив последний рулон и получив товарный чек, она испытала такое облегчение, что обратно неслась словно на крыльях, срезая углы и еле успевая

обойти людей. Едва не задев двух студентов, Влада на ходу развернулась, извиняясь, а в следующую секунду вписалась прямо носом в чью-то широкую грудь. Вдохнув запах парфюма, она почти потеряла сознание. Ошеломлённо подняв голову, встретилась взглядом с Бархатовым. Он собирался что-то сказать – Влада видела, как раскрылись его губы, – но чьи-то руки тут же аккуратно отлепили её от тела мужчины и передвинули в сторону.

«Господи, это же охранник, не иначе!»

Молодой парень, одного роста с Бархатовым, поднял с пола упавший рулон, сунул его в руки Владе и обратился к нему:

– Кирилл Андреевич, всё хорошо?

Они аккуратно обошли Владу и зашагали прочь.

А она осталась стоять и смотреть им вслед. У ее ног волной лежала атласная лента, конец которой выскользнул из рулона во время падения. И сейчас Влада напоминала проигравшую гимнастку – такая же тонкая, хрупкая и несчастная...

«Двадцать пять красных роз – признание в пылкой и страстной любви. Для той, которая его достойна...»

3

К вечеру гудело всё – ноги, голова, руки. Даже когда Влада уже вышла на улицу, в ушах продолжали звучать рождественские мотивы. Она остановилась и прислушалась – музыка доносилась откуда-то со стороны городского парка.

Шёл снег. Со следующей недели обещали морозы. Что ж, зима, зима... В ней тоже есть своя прелесть. Иначе как можно было объяснить желание родителей всё время ездить в экспедиции, где они оба и сгинули в итоге под снежной лавиной.

Родители Влады познакомились в институте. Там пристрастились к альпинистским походам. Самая сильная страсть возникает между людьми, когда они увлечены общим делом. И бабушка, понимая это, настояла на том, чтобы родилась Влада. Наверное, думала, что это их остановит, заставить осесть. Так поначалу и было. А потом понеслось – оба получили квалификацию горных гидов в Школе альпинизма в Киргизии и стали работать в связке. Бабушка не скандалила, но переживала, следила за выпусками погоды в тех местах, где находились родители, и попутно занималась воспитанием внучки. Ясли, сад – все как у всех. Потом приезжали родители, загорелые, счастливые, мечтающие о новой вершине и о новых горных тропах...

...Влада подняла голову и посмотрела на украшенные фонариками кроны замёрзших деревьев. Голубоватый свет переливался и играл, движимый снегопадом, и она почувствовала, как горлу подступает привычная горечь при мысли о родителях. Влада вытерла варежкой выступившие слёзы. Стоит ли травить себя воспоминаниями? Для чего?

Мир несправедлив, жизнь жестока, будущее сомнительно...

Влада натянула капюшон поглубже и закинула маленький рюкзачок за плечи. Зашагала по тротуару среди прогуливавшейся публики. Тратиться на транспорт не было смысла – куда торопиться? И народ кругом – бояться нечего.

Влада пошла долгой дорогой, не срезая. Захотелось пройти мимо центрального парка, чтобы посмотреть, как его украсили, постоять напротив огромных окон ресторана «Азнавур», представляя себя на месте какой-нибудь дамы, приглашенной на ужин.

Она уже не помнила, в какой момент втянулась в эту игру с собственным воображением. Однозначно ещё в детстве. Родителей видела редко из-за их постоянных разъездов. Бабушка тогда ещё работала, так что большую часть времени Влада была предоставлена сама себе. Жили они в другом городе, гораздо меньшем, чем этот, в двухстах километрах отсюда. И даже если бы она сейчас решила туда вернуться, счастливее бы точно не стала.

Полгода в приюте оказались не так уж плохи, если рассматривать их с позиции сегодняшнего дня. Она толком даже не ощутила всего ужаса произошедшего. Осознание пришло гораздо позже. Родители не вернулись, погребённые тоннами снега в горах, бабушку разбил инсульт, и она скончалась в больнице. Владе было тринадцать, за неё всё решили. Дед объявился, озадачив Владу – его она почти не помнила. Бабушка развелась с ним ещё до её рождения. Он, конечно, иногда звонил, даже приезжал как-то, но явно не с желанием пообщаться с внучкой. Хотя, зачем возводить напраслину, не зная истины? Следовало спросить его самой, пока он был жив. Только спрашивать не хотелось. Дед был тот ещё молчун. Еда готова, спать постелено, приберись, постирай – вот и вся беседа. Что ж, бабушку можно было понять.

Теперь, когда Владе уже двадцать один, она понимала, что дед забрал её не только из-за бабушкиной квартиры. Он был единственным ее родственником, поэтому мог стать опекуном.

Она была благодарна деду за то, что он разменял квартиры и купил одну здесь, в этом городе. Обживать новое пространство, не замутнённое грустными воспоминаниями, оказалось своего рода лекарством. Они перевезли обстановку, библиотеку – дед трепетно относился к книгам. Гораздо нежнее, чем к близким. По сути, как оказалось, они были очень похожи –

дед и внука. Места хватало, и каждый сидел в своём углу с книгой, погружаясь в тот мир, который ему был интереснее.

Но время от времени Влада вспоминала время, проведённое в приюте. Там ей стало казаться, что в ней есть нечто другое, непривычное, незнакомое. Некоторые свои поступки и слова она вообще не могла объяснить. Это происходило не с подачи других воспитанников, нет. Она и не сошлась ни с кем другим так близко, как со Стасей Иволгиной.

В старой школе никто не разделял её интересов, а она не понимала увлечений одноклассников. Ну, то есть обращала внимание, конечно, но всё это было так скучно, поверхностно, по-детски...

Себя же Влада считала взрослой. Ещё бы, после стольких-то книг! Никто не объяснял ей, что жадно прочитанное – ещё не значит усвоенное. И всё-таки, даже среди этой словесной каши, Влада находила нужное. Эмоционально окрашенное, отдававшееся внутри горячей волной.

В приюте была одна учительница, Елена Васильевна, с которой можно было обсудить романы или стихи. Но скоро Влада поняла, что о любви и ненависти Елена Васильевна имеет весьма смутное представление, потому что была она старой девой с добродушным характером и с такой скучной жизнью, что Влада очень быстро перестала слепо ей доверять.

А вот Стася Иволгина произвела на Владу сильное впечатление. Не только схожим – мужским – именем, но и своей внешностью. В первую минуту Влада даже подумала, а не было ли у неё потерянной сестры? Вдруг они близнецы, и судьба-злодейка разлучила их в роддоме? После недели в изоляторе, когда она стояла в коридоре перед дверями своей будущей комнаты, эта похожая на нее девочка, вскинув голову, отделилась от группы подруг и подошла напрямиком к Владе.

– О-хре-неть! – воскликнула она, уперев руки в бока.

– Иволгина, – воспитатель, которая привела Владу, погрозила пальцем, – опять словечки твои!

– Пардон, мадам, – тут же исправилась Иволгина и сделала дурашливый книксен, который, однако, не был лишен изящества.

Девочки из компании захихикали. Они были разновозрастными и разномастными. Все знали, что рано или поздно расстанутся, разъедутся по другим детским домам. Кому-то повезёт больше – объявятся родственники, но это случалось редко. Лучшим вариантом было оказаться на новом месте с кем-то из своих друзей.

Вот если бы дед подсуетился раньше, поднял бы зад с дивана и отвлёкся от своих талмудов, то Влада могла бы вообще не оказаться в приюте. Но, с другой стороны, дед уже много лет жил своей жизнью. Так был ли смысл рыдать над своей судьбой? Как ни крути, а родные люди. Хоть и не близкие. Именно так Влада научилась мириться с обстоятельствами и держать свои эмоции в узде.

Воспитательница показала Владе кровать и тумбочку, велела устраиваться, а остальным не мешать.

– Чего молчишь? – спросила Иволгина, следя за тем, как Влада раскладывает свои пожитки на полке.

– Боюсь, – просто ответила Влада, подняв голову.

Иволгина была с ней одного роста и смотрела прямо в глаза такими же серыми, правда, с вкраплениями зелёного, глазами. И волосы у неё тоже были русые, только заметно светлее, чем у Влады.

– Ну ладно, не ссы, – усмехнулась Иволгина и протянула руку. – Станислава.

– Вла... Владислава, – немного заикаясь, представилась Влада.

– Охренеть! – Рукопожатие Иволгиной было таким крепким, что Влада потом ещё долго чувствовала его на своей коже.

4

Жить по правилам и расписанию было привычно для Влады, хоть порой и хотелось возразить и показать своё «фи». Но одно дело возражать родной бабушке и совсем другое – воспитателю. Впрочем, она быстро переняла привычку остальных выкраивать для себя необходимое время. Ей оно нужно было для чтения, благо, это поощрялось. Библиотека в приюте была большая и постоянно пополнялась новыми книгами от спонсоров. Пару недель Влада даже уроки делала там, избегая лишних встреч и разговоров. Стася жила в соседней комнате с двумя другими девочками и после знакомства не особо проявляла интерес к Владе. Но сама Влада наблюдала за ней, прислушивалась к разговорам за стенкой, к громкому смеху. Видела, что к Иволгиной постоянно ходят в гости и подолгу засиживаются, пока дежурный воспитатель не разгонял компанию. В коридоре она слышала боевое: «Пока, Стасян!», словно Стася была не девочкой, а дворовым пацаном.

Соседка Влады, одиннадцатилетняя Оля, рассказала, что Стася – из "своих" – таких же, как она, социальных сирот, чьих родителей лишили родительских прав. У Стаси Иволгиной была только мать-алкоголичка, и Влада поразилась тогда этому открытию. В её понимании, дети алкоголиков выглядели иначе – у них должны были быть маленькие водянистые глазки, низкий лоб и дебилное выражение лица. Так, во всяком случае, говорила бабушка. Но Стася была другая – красивая, яркая, словно только что сошедшая с глянцевого обложки журнала. И это при том, что они были похожи. Просто на фоне Иволгиной Влада чувствовала себя лишь затертой черно-белой копией.

Как-то, проснувшись раньше обычного из-за тяжёлого мутного сна, Влада на цыпочках, чтобы не разбудить соседок, вышла в общий коридор и встала у окна. Утро было хмурым, влажным, осевшим на оконных стёклах в виде мелкой мороси. Но батареи топили хорошо, поэтому Влада не накинула кофту. Она посмотрела вниз и вдруг увидела Иволгину, стоящую у низкого турника. Во дворе таких турников было несколько, разной степени высоты, и в дневное время они постоянно были кем-то заняты.

Стася была в тонкой курточке и старых леггинсах с вытянутыми коленками. Белокурые локоны выбивались из-под вязаной шапочки и свешивались вдоль её узкого лица. Иволгина стояла лицом к зданию и смотрела прямо перед собой, держась одной рукой за перекладину, а вторую отведя полукругом в сторону. Её голова на длинной шее медленно разворачивалась параллельно плечу и через пару секунд так же медленно возвращалась на место. Рука делала плавное движение сначала вниз перед собой, а затем легко взмывала вверх. И в тот же момент нога легко отрывалась от земли и взлетала вертикально.

Влада замерла в немом восхищении. Она уже не видела этих старых штанов и заношенной курточки. В её фантазии Иволгина предстала перед ней в балетной пачке и в удивительном головном уборе из коротких белых перьев.

– Она уже час занимается, – рядом с Владой остановилась ночная воспитательница. – И так каждый день. А ты чего не спишь? Ещё полчаса.

Влада не ответила.

– Иди, иди, не стой здесь, – произнесла воспитатель и, зевнув, пошла по коридору, прислушиваясь к тому, что происходит за дверями комнат.

За завтраком Влада всё время посматривала в сторону Стаси. Та, не глядя в тарелку, загребала кашу ложкой, отправляла ее в рот и, чуть склонившись над столом, умудрялась при этом что-то негромко рассказывать подругам. Те таращили глаза, переглядывались, совсем забыв про еду, и Влада ощутила непреодолимое желание узнать, о чём же они говорят.

Первым был урок русского и литературы. Программа явно пробуксовывала в сравнении со школой, в которой училась Влада до этого. Обучение проходило во втором крыле здания,

потому что остальные, обычные, школы находились в нескольких кварталах от приюта. И это было удобно, хоть и превращало каждый день в «день сурка». Влада планировала вернуться в свой класс, когда ситуация с приютом как-то разрешится. Ей почему-то казалось, что пребывание в детском доме временное, пока не оформятся все документы, и люди не поймут, что она вполне себе может жить одна.

Стася отвечала у доски, но Влада почти не слушала её. Следила за движением рук, наклоном головы, взмахом длинных ресниц...

– А вы как считаете, Белогурова?

Влада, мотнув головой, уставилась на Елену Васильевну. Стася с лёгкой усмешкой мазнула по ней взглядом, а затем стала рассматривать потолок.

– А я согласна со Стасей... – промямлила Влада.

Елена Васильевна поправила очки и покачала головой:

– Ладно. Прочитайте с десятой по двадцатую главу. Напишите по ним сочинение к следующему занятию.

Вот так, никакого давления, никаких претензий...

В приюте было шестьдесят воспитанников старше восьми лет. Детей привозили со всей области, но малыши в приюте не задерживались – их забирала дальние родственники или приемные родители. Чем ты был старше, тем меньше у тебя шансов оказаться в семье. Но особого желания ровесники Влады обрести новый дом и не выказывали. Зачем? Их и здесь неплохо кормили.

...– Ну, и что это было? – спросила Иволгина на выходе.

– Что? – не сразу поняла Влада.

– Глаза об меня не сломала?

Влада смутилась.

– Ладно. Будем считать, что я красоты неопишумой, – усмехнулась Стася. – Я, конечно, хрень полную несла, но Елена – баба не вредная, с пониманием.

– Давно ты здесь? – спросила Влада.

Они пошли в сторону рекреации, где находились их комнаты. В нескольких шагах от лестницы к ним подбежал мелкий паренёк и что-то быстро прошептал на ухо Иволгиной. Та кивнула в ответ, а он, улыбаясь во весь рот, помчался дальше. Влада проводила его глазами.

– Третий раз, – как ни в чём не бывало ответила Стася. – Но теперь-то уж точно до упора. Я им сразу сказала, что никуда отсюда не уеду. Пусть хоть арабский шейх за мной прилетит! Никому не дамся! – заливисто хохотнула, махнув рукой. – Недолго осталось, потерплю. Что там у нас дальше по расписанию? Матиматиш – практиш – гуд. О, пережить бы! У тебя как с этим делом?

– Хорошо. Не люблю, конечно, но понимаю...

– Мисс Конгениальность? – Стася провела рукой по волосам и, прихватив кончик, сунула себе в рот.

– Э... – не поняла Влада.

– Не смотрела, что ли? – вскинула брови Иволгина. – Ты же, вроде, из нормальных.

– Из нормальных?

– Господи, ну ты и тормоз, Белогурова, не ожидала. Ладно, смотри, сейчас отсидим положенное, потом пожрём и пойдём на улицу. Хоккей?

– Я не играю в хоккей...

– Окей, – Иволгина положила руки на плечи Владе. – Я всё ещё верю, что ты не потеряна для общества. Но тебе срочно нужно взбодриться и выйти из сумрака. Поняла?

– Поняла, – окончательно растерялась Влада.

– Соберём тебя в пучок, не переживай.

– Не буду...

Махнув волосами, Иволгина зашагала к своей комнате, а Влада вдруг спросила её в спину:

– Ты хочешь стать балериной?

Стася напряглась, но шага не сбавила – лишь лёгкое судорожное движение шеи, а затем сжатые кулаки, выдали это напряжение.

Влада вовремя захлопнула рот, ведь слова о том, что Стасю никуда не возьмут уже даже из-за возраста, были почти готовы сорваться с ее губ. Она знала, потому что читала об этом. Чтобы поступить в балетную школу, мало было иметь стройную фигуру и длинные ноги. А уж попасть туда из приюта – нечего и мечтать. Ей, может, и самой хотелось чего-то другого, а не вот этого всего, но... Но скоро все изменится. Влада верила в это.

После похорон бабушки два дня с ней ночевала соседка, и эти два дня Влада даже не выходила на улицу. На неё напала страшная апатия, всё время клонило в сон. Когда приехала комиссия, и приятная женщина с усталым, каким-то собачьим, взглядом стала задавать ей вопросы, Влада отвечала невпопад и подолгу собиралась с мыслями. В голове мелькали разные картинки и шёл монолог, но наружу выходили какие-то обрывистые фразы, словно говорила не она, а заикающийся граммофон.

– Это шок, – женщина погладила Владу по голове. – Ты не переживай. В детском доме тоже детки. Попривыкнешь, а там посмотрим...

Под этим «посмотрим» Влада и углядела возможность вернуться домой после того, как все утрясется.

В общем, хорошо, что она промолчала. Иволгина и сама скоро все поймет. Сейчас же следовало общаться с ней и постараться не испортить отношения. Находиться рядом со Стасей было интересно. И пусть она была всего лишь ее тенью, толика внимания окружающих перепала и ей.

Влада помогала Стасе с уроками, рассказывала о прочитанных книгах. Иволгина быстро уставала от чтения, и приходилось по несколько раз объяснять ей материал. Зато с ней было весело! Когда, например, Иволгиной удавалось с первого раза решить задачку или написать сложное предложение без ошибок, Стася подсакивала и начинала кружиться по коридору, выделявая фантастические па, рискуя свалиться на пол или налететь на стену. Впрочем, это происходило с ней постоянно, вне зависимости от того, удавалось ей что-то или нет, – просто стрекоза какая-то... Которая пела и плясала...

5

Суббота. Влада

Через пару остановок показались огни центрального городского парка. Влада чувствовала усталость, но всё же решила пройтись и спустилась по широким ступеням. Огромный офисный центр, на первом этаже которого находился ресторан, тоже был расцвечен иллюминацией, поэтому снег вокруг был словно раскрашен крупными мазками пастельного цвета.

Влада не спеша шла мимо красивых скамеек, фонарей и безмолвного фонтана по площадке в виде круга с ответвлениями заснеженных дорожек. Завтра с самого утра дворники выскребут их до самой плитки, и волшебство несколько потускнеет, но не исчезнет совсем. Так будет длиться до тех пор, пока идёт снег, и будет стоять украшенной высоченная ель в нескольких метрах от входа в здание.

Окна ресторана «Азнавур» сверху донизу были покрыты искусственной изморозью, и только середина окна оставалась девственно чистой. Узор повторялся и не отличался какой-то изысканностью, но всё равно выглядел очень уютно. Влада подошла ближе и заглянула в одно из окон. Белоснежная скатерть, рождественский венок с горящей свечой посередине, два хрустальных бокала и свёрнутые хрустящие салфетки – уютное место для двоих...

Пока она шла сюда, то видела забитую машинами стоянку перед входом в парк. Гости приезжали и остаток пути шли, словно приглашённые на бал жители королевства. Наверняка дамы кутались в меховые манто, и их бриллианты сверкали, когда на них падал свет фонарей. А мужчины поддерживали своих спутниц за локотки и торопились поскорее спрятать счастливых избранниц в тёплом и сытом пространстве.

Влада поёжилась и подумала, что не стоило экономить на зимних сапогах. Правильно бабушка говорила – следует покупать только самое качественное – дольше пронесишь. Но Владе понравились эти – высокие, с каблучком, но на «рыбьем» меху. Красиво и совершенно непрактично. Разве что пройтись в них пару остановок, покрасовавшись тонкой щиколоткой, а затем срочно нырнуть в транспорт, не чувствуя пальцев ног.

Притопнув пару раз, Влада сжала кулаки внутри рукавиц, отогревая, и мысленно дала себе приказ возвращаться на остановку. Она уже была готова сделать шаг, как вдруг увидела нечто, что заставило её припасть лбом к стеклу в прямом смысле этого слова.

В зал ресторана вошёл Бархатов.

Он был в тёмном костюме и белоснежной рубашке. Бархатов широко улыбался, переговариваясь с кем-то в зале, и Влада завозила у окна, чтобы разглядеть этого кого-то сквозь серебристые узоры на стекле. За столиками было много людей, и вся эта публика собралась внутри по какому-то важному поводу. Уже отмечают Новый год или Рождество? Но до Нового года ещё целая неделя. Впрочем, у таких людей может быть масса поводов, чтобы погулять на широкую ногу. Что там рассказывала Мила о Бархатове – бизнесмен, один из богатейших людей, вхожих во все структуры власти. И что самое смешное – владелец «Колизея». Именно незнание Владой этого факта рассмешило Милу.

Ей и самой стало стыдно за свою невнимательность и пустоголовость. Всё время витает в облаках вместо того, чтобы слушать умных людей и делать правильные выводы.

Бархатову поднесли огромную бутылку шампанского. Официант остался рядом с ним, держа в руках поднос с фужерами. Бархатов что-то говорил, пока снимал фольгу и раскручивал проволоку, и всё это время смотрел в одну сторону. Туда, где стояла Влада. Но она знала, что он не видит её. Его внимание было занято кем-то другим.

Когда раздался мощный залп, и из горлышка бутылки выплеснулось немного пены, второй официант быстро забрал бутылку и стал разливать шампанское по бокалам. Бархатов вытер

руки салфеткой и медленно пошёл между столиками в направлении того, кому и был адресован этот салют.

Влада приподнялась на цыпочки и, прижавшись щекой к стеклу, скосила глаза.

За столиком она увидела девушку, которая сидела к ней спиной. Первое, что Влада поняла – на этой девушке было то самое безумно дорогое платье из их бутика. Переливающиеся тонкие бретели оттеняли белую кожу, бликуя и превращая её обладательницу в фарфоровую статуэтку. Тонкая шея, изящные плечи, белое каре; и склонённая мощная фигура Бархатова, оперевшегося руками о край стола. Не мигая, он смотрел на девушку, а Влада не могла отвести глаз от его лица. Тяжёлый взгляд и плотно сжатые губы делали Бархатова похожим на каменную статую. Но Влада чувствовала, что внутри него что-то клокочет сейчас, пытается вырваться пламенем сквозь зрачки.

Официанты разнесли шампанское. Не глядя, Бархатов взял фужер с подноса и подал его своей спутнице. Тонкие женские пальцы обхватили хрустальную ножку. Бокал скользнул вниз, но задержался внутри ладони. Кольцо с крупным камнем сверкнуло, и сотни искр взметнулись в воздух.

Влада выдохнула, оставив на стекле туманный след. Оцепенев, она следила за этой молчаливой игрой. Это была игра – она сразу поняла это. И Бархатов это знал.

Он поднял свой фужер и держал его над столом, ожидая встречного движения. Но девушка в чёрном, казалось, издевалась над ним. Целую минуту она неподвижно сидела с бокалом в руке, а затем, минуя тост, медленно поднесла его к губам и выпила до дна.

Губы Бархатова дрогнули. Он облизал их и опустил глаза. Затем поставил бокал и сел напротив, положив салфетку на колени.

У Влады закружилась голова. «Бархатов, неужели ты не видишь того, что вижу я? Зачем тебе та, которой ты не нужен?!»

Испугавшись собственных мыслей, Влада отпрянула. Совсем рядом послышался скрип снега. Она посмотрела в сторону входной двери. Невысокий мужчина в костюме, слегка покачиваясь, курил и разговаривал по телефону. Владу он не заметил, поэтому она двинулась к другому окну, делая вид, что просто прогуливается. Ноги еле слушались её. Следовало бы поторопиться и идти домой, но она не могла заставить себя сделать это. Бархатов притягивал её, будто магнит, звал, заставлял мёрзнуть здесь у окна, словно бедную Золушку, наблюдающую за балом.

«Ещё немножко, пару минут...» – Влада подняла край шарфа и спрятала внутрь него нос, став похожей на ниндзя или грабителя банка. В какой-то степени она так себя и ощущала сейчас – примеряла чужие эмоции, грелась ими...

– Я думаю, мы тут часов до двух точно зависнем. Если, конечно, Бархатов не решит свернуть всё в один момент... – донесся до нее мужской голос.

Владе никак не удавалось рассмотреть спутницу Бархатова. Та сидела, склонив голову, отчего её волосы скрывали лицо. Но то, что она была красива, было и так понятно. На фоне присутствующих в зале дам девушка выделялась воздушностью и изяществом. Сейчас Влада видела пару сбоку – Бархатов, сосредоточенно орудующий вилкой и ножом, и его... Кто – жена, подруга, любовница?

Мила не смогла ответить на вопрос Влады, женат ли он. Вроде бы, нет. Но кто этих «буржуев» знает, что у них на личном фронте – официальный брак, договорной или контрактный? И так понятно, что ни Миле, ни Владе никто докладывать не будет. Но земля, как известно, слухами полнится, а люди говорят, что Бархатов исключительно важная персона, не замеченная в скандалах и разборках.

«Разве может быть иначе? – подумала Влада. – Удивительный, красивый, умный... Богатый... Баловень судьбы.»

Влада тяжело вздохнула. Чувство к Бархатову множилось день ото дня. С ней никогда не случалось подобного. Влюблённости не в счёт – не имело разницы, кто ей когда-либо нравился. Всё проходило так же внезапно, как и начиналось. Она даже толком не успевала осознать этого. Но любовь к Бархатову крепла, проникала в каждую клетку, бурлила в крови, сжимала сердце. Глупо и бестолково выталкивала Владу не только блуждать по территории торгового центра, но и постоянно погружаться в мечты и грёзы о нём, отвлекая от реальной жизни. Но к чему ей эта реальная жизнь без него?!

– Кирилл, – прошептала Влада, прижав ладонь к стеклу.

Его спутница с белоснежным каре вдруг резко встала. По всей видимости Бархатов что-то сказал ей, и она, нервно скомкав салфетку, отбросила ее в сторону. Он же отложил нож, промокнул губы и улыбнулся.

Влада синхронно улыбнулась с ним. «Боже мой, – промелькнуло в голове, – у него ямочки...»

Блондинка, выпрямив спину, выбралась из-за стола и пошла к выходу. Влада вдруг с изумлением заметила, что та хромает. Старается идти ровно, но всё равно дефект походки заметен невооруженным глазом. Девушка, не обращая ни на кого внимания, подошла к официанту и что-то сказала ему. Но тот лишь пожал плечами и быстро скрылся за колоннами.

Незнакомка замерла на мгновение, а затем повернулась лицом в зал.

И вот тут сердце Влады затрепыхалось в груди, а затем словно замёрзло, покрывшись ледяной коркой. И вместе с ним и вся она превратилась в соляной застывший столб.

«Стася?!»

6

Бархатов махнул рукой. Заиграла музыка. Звуки мелодии долетали до Влады будто сквозь вату в ушах. Он подошёл к Стасе и, развернув её, прижал к своему телу. Его рука скользнула по её спине, замерев чуть ниже талии. Второй рукой он обхватил запястье Стаси и, притянув к губам её пальцы, поцеловал. Она в ответ попыталась одёрнуть кисть, но Бархатов повёл её в медленном танце, глядя прямо в глаза.

Горький комок в горле заставил Владу очнуться. Она отшатнулась, сделала пару шагов и, поскользнувшись, рухнула в небольшой сугроб. Слезы, еще секунду назад выступившие на глазах, подмёрзли и склеили ресницы. Влада забарахталась в снегу, хлюпая носом, пока не увидела протянутую руку.

Молодой мужчина не стал ждать, когда она ухватится за него. Поднял её за локти и поставил на ноги. Влада поморщилась от ноющей боли в ступнях.

– Спасибо, – еле слышно пробормотала заледеневшими губами.

– Там нет ничего интересного, – заметил он, кивая в сторону окна.

Влада не ответила. Сейчас, когда свет упал на его лицо, она смогла разглядеть парня – охранник Бархатова. Стыд обжёг её щеки.

– Извините, – быстро проговорила Влада и заковыляла вон из парка. Потом понеслась, не оборачиваясь, не разбирая дороги и не обращая внимания на прохожих, в надежде, что он её не узнал.

Уже в маршрутке, скукожившись на сидении, стуча зубами от нервного холода, Влада убедила себя, что он не только не узнал, но даже не запомнил ее ещё тогда, в центре. Она – пустое место не только для Бархатова, но и для его охранника.

Квартира встретила её звенящей тишиной. Закрыв дверь, Влада прижалась к ней спиной, смяв в рюкзаке упакованный в хрустящую бумагу рождественский венок со свечками. Маленький, ничего не значащий, подарок из серии «передарить и забыть», который она купила для Милы.

Так вот, значит, как... Дочь алкоголички, глупая детдомовка, умеющая только задирать ноги и воображать из себя великую балерину, Стася Иволгина, – девушка Бархатова! Уму непостижимо...

Влада стащила с себя шарф и отбросила его в сторону, куда-то вниз, на сваленные вещи. Давно следовало прибраться, разложить одежду деда по пакетам и... Каждый раз на этой мысли Влада замирала – куда их девать? Вынести на помойку или предложить соседям? Кому нужны старые ношенные вещи?..

Скоро она сама превратится в такую же тряпку – серую и неприметную.

Влада не могла представить себя рядом с Бархатовым, но то, что Стася была с ним, жалило куда сильнее. Что он в ней нашёл? Или так – где он её нашёл? В какой подворотне, чёрт возьми?!

Настроение испортилось до такой степени, что Влада с трудом заставила себя принять душ и поставить чайник. Есть не хотелось. Хотелось плакать, уткнувшись в подушку, и жалеть себя. Она так и сделала – легла, отвернувшись лицом к настенному ковру, и упёрлась лбом в его колкую шерстяную поверхность. Воспоминания опять заполнили её сознание. Владе даже показалось, что снова запахло гороховым супом и тушёной капустой из уютской столовки.

...После уроков Стася утянула её в сторону от остальных.

– Сейчас быстро перекусим, а потом ты оденешься и будешь ждать меня за углом, – сказала она.

– А уроки? – растерялась Влада. – Вдруг меня искать будут?..

Иволгина насмешливо прищурилась:

– Не хочешь, не ходи.

– Нет-нет, – тут же пошла на попятный Влада. – Я попробую. Скажу, что... – она не придумала того, что скажет соседкам по комнате, а потому замолчала, чувствуя мандраж от возможности улигнуть с территории вместе с Иволгиной.

По правилам следовало всегда отпрашиваться у дежурного воспитателя, но этим могли воспользоваться только те, кому уже исполнилось четырнадцать, да и причина должна была быть существенной, чтобы тебя отпустили.

Воспитатели в приюте были нормальными, но очень приставучими – как поспал, как поел, что с уроками, пойдём туда, пойдём сюда, тепло ли тебе, девица, – и всё в таком духе. Самое страшное для них было нарваться на ситуацию, в которой воспитанник решил бы пожаловаться на воспитателя или удрать. Все, конечно, планировали побег, но бежать особо было некуда, да и огрести на улице или у пьющих родственников можно было куда быстрее и больнее, чем от своих.

Воспитателям же в таких случаях приходилось писать многостраничные заявления в полицию и подвергаться обструкции от начальства. Кое-кто уходил, на его место приходил другой, который искренне считал, что справится, что педагогическое образование играет решающую роль, а знание психологии поможет найти дорожку к детскому сердцу, и прочее, прочее, прочее...

С такими, как Стася, было непросто. Она давно почувствовала вкус свободы и готова была вырвать её собственными зубами. Всем своим видом она показывала, что всего лишь терпит нынешнее своё положение. О причинах она не распространялась, и при каждом удобном случае уходила из детского дома «подышать вольным воздухом».

Влада натянула куртку и спокойно вышла во двор. Девочкам сказала, что погуляет на улице. Она так и сделала – сидела на качелях, пока Иволгина не прошла мимо неё, велев идти на расстоянии. Влада замерла, уперевшись ногами в землю, а затем, соскочив с сидения, pokrutila головой, зачем-то посмотрела на окна здания, и только потом, всё время оборачиваясь, кинулась за Стасей.

– Никто тебя не видел?

– Кажется, нет.

Они стояли у торца здания, перед входом в подвал, под старым толстым дубом, который являлся частью забора. Стася подошла к нему и, ухватившись за ограду, пару раз подёргала за металлическую палку. Низ её отошёл, и Иволгина юркнула наружу. Посмотрела на Владу:

– Особого приглашения ждёшь?

Влада полезла следом, хоть и не понимала, зачем и куда они уходят.

– А если заметят, что забор сломан? – догнала она Стасю.

– Конечно, заметят! – радостно заявила Иволгина. – Но не сразу. Главное, не проболтаться.

– А ты откуда узнала?

– Не скажу, – загадочно ответила Стася. – Даже не проси.

Они гуляли часа три. Зашли в большой магазин, где Иволгина долго прохаживалась вдоль витрины с украшениями и в итоге даже что-то купила. Затем она накормила Владу пирожными и мороженым в кафе, а сама выпила только чай.

Вернулись они также через дыру в заборе, но на площадке столкнулись с дневной воспитательницей, которая выглядела не лучшим образом – прилипшие ко лбу волосы, бешеный взгляд.

– Иволгина! Твою ж!.. – она схватила Стасю за плечи и несколько раз встряхнула. – Ты... ты опять?! Господи, когда же тебя отправят куда подальше от нас?!

Стася шмыгнула носом и вывернулась из её рук:

– На ужин опоздаем, – лёгкой походкой она зашагала в сторону входа в здание, махнув Владе.

Сразу же после ужина Владу вызвали в кабинет дежурного воспитателя. На неё не кричали, но те слова, которые были сказаны, заставили её расплакаться и рассказать о том, как они покинули территорию и где были всё это время. Так её воспитывала бабушка – взрослых следовало уважать и верить им. Они были в ответе за неё и желали ей счастья. Не следовало так подводить людей, у которых семьи, тяжёлая работа и громадная ответственность...

Влада почувствовала, что сделала всё правильно, ведь другой ребёнок мог бы узнать о лазе и уйти, а потом попасть в сложную ситуацию, а то и погибнуть. Но как только она оказалась в своей комнате, быстро юркнув туда, чтобы не встретиться в коридоре со Стасей, ей стало не по себе. Соседки привычно играли на телефонах.

– Стаська заходила. Сказала, чтобы ты нашла кое-что.

– Что нашла? – осторожно спросила Влада.

– Не знаю, – Ольга поморщилась. – Я в ее дела не лезу. Нам она сказала выйти, пока была здесь.

Влада посмотрела на покрывало, провела по нему рукой. Затем залезла в тумбочку, потом в шкаф. Пожав плечами, она села на кровать и вдруг увидела маленький свёрток из сиреневой гофрированной бумаги, который был привязан к крану батареи. Она бы и не заметила его, если бы в тот момент, когда плюхнулась на задницу, поток воздуха не раскачал нитку.

Влада разорвала обёртку, и к ней в ладонь скользнула серебристая цепочка, а за ней кулон в виде изогнувшейся кошки, которая смотрела на неё единственным зелёным глазом.

7

Воскресенье, 7 утра. Бархатов

Бархатов стоял на мосту в нескольких метрах от того места, где вместо ограждения зияла огромная дыра. Стоял, вцепившись в перила затянутыми в перчатки руками, смотрел вниз и судорожно вдыхал колючий холодный воздух.

Тёмный круг воды, словно бельмо, уже покрылся лёгкой белёсой плёнкой – не такой плотной, как лёд вокруг, но уже заметной и неотвратимой, как пронизывающий ветер, который сейчас настырно лез за воротник кашемирового пальто. На берегу копошились водолазы – тащили какие-то канаты из спецмашины; слышны были разговоры по радиации. Бархатову казалось, что они специально не торопятся, тянут, не желая лезть в этот чёрный омут под мостом. Ему хотелось крикнуть, поторопить их, но язык прилип к нёбу, застыл внутри тяжелой массой, сдерживая рвущиеся из горла хрипы.

Ещё полчаса назад, когда Бархатов примчался сюда, прорвался сквозь выставленный пост, пару раз поскользнувшись на заиндевелем покрытия, внутри него полыхало, горело, влажно стекало по спине и кололо в затылок. Он шептал: «Стася... Стася!», и вокруг его лица облаком кружил белый пар.

Его бы ни за что не пропустили, будь он обычным человеком, но он был тем, кем был – богатым, успешным, другом мэра, известным попечителем и благотворителем.

Показалась крыша автомобиля. Машину тащили берегу, и вода, словно горчичное масло, обволакивала серебристый металл. Бархатов подался вперед, шурясь от выступивших слёз, и тут же отступил, заметив ярко-красное сердечко на стекле. С трудом отцепив руки от поручня, он заскрежетал зубами.

– Что, что там?! – подбежал Олег Матушкин, его первый зам, ухватил Бархатова за плечо и потряс. – Это точно она?!

Бархатов повернулся к нему и, бешено выпучив глаза, вцепился в ворот его дублёнки:

– С-сука, я с тебя шкуру с живого спущу! Не уследили! Гниды... – он задохнулся и уткнулся головой в плечо зама. – Не прощу...

Матушкин посмотрел вниз на реку. Водолазы проломали путь в ледяной коре, и маленький «Ситроен» двинулся в сторону берега. Боковые стёкла были разбиты, перед смят – много ли надо такой малышке?

Матушкин сглотнул и чуть попятился, прогнувшись от веса Бархатова:

– Кирилл Андреевич, ну право... Мы-то при чем, а? Пойдёмте в машину...

Бархатов резко отстранился. Лицо его стало каменным. Не глядя на зама, он зашагал к своему автомобилю, высоко подняв голову. Матушкин поежился. От Бархатова можно было ожидать чего угодно, только не слабости. А вот Олег уже ощутил в полной мере, как предательски дрогнули колени. Мало им не покажется, это точно... Рано они радовались, да поздно спохватились. Стасю надо было беречь как зеницу ока. Пока Бархатов был с ней, всё было под контролем, а теперь...

Матушкин посмотрел на подъехавший к самому краю подъёмный кран, на вырывающийся из ледяного плена «Ситроен», и поёжился, скорбно поджав нижнюю губу.

– Ну вот ты и вырвалась, птичка... – вздохнул он и на автомате перекрестился. Затем развернулся и суетливо двинулся за Бархатовым.

...– Автомобиль зарегистрирован на Вас, Кирилл Андреевич. Кто был в машине? – окликнул Бархатова невзрачный низкорослый мужчина.

Бархатов остановился. Его водитель придержал дверь «мерседеса», внимательно наблюдая за тем, как поступит Бархатов. Тот медленно развернулся:

– Кто вы?

– Меня прислал Дмитрий Анатольевич.

Бархатов кивнул, услышав имя мэра.

– Я должен проинструктировать вас в данной ситуации...

– Идите к чёрту, я не хочу ни с кем разговаривать, – грубо отрезал Бархатов.

– И всё же... – невзрачный подошёл ближе и, порывшись в кармане, достал серую картонную визитку. Протянул её Бархатову. – Круглосуточно на связи. Если возникнут проблемы, звоните.

Бархатов втянул ноздрями воздух, но визитку взял, сжав её в кулаке. Ни своим видом, ни поведением не следовало пренебрегать именем мэра. Но и верить всему, что говорит этот серый человечка, глупо. Наверняка представитель местной прессы, который быстрее остальных узнал о случившемся и, словно шакал, примчался собрать информацию. Так и чешутся руки двинуть ему по морде...

Водитель сделал шаг вперёд, косясь то на Бархатова, то на человечка. Вторая рука его всё это время находилась за пазухой, и Бархатов знал, что любое агрессивное действие в его сторону, будет тут же воспринято как нападение.

– Всего доброго, – бросил Бархатов поверх головы невзрачного и сел на заднее сидение автомобиля. На секунду прикрыл глаза, а когда открыл, то увидел, что человечка и след простыл, словно того и не было.

– Кирилл Андреевич, – осторожно спросил водитель, – куда прикажете?

Бархатов уткнулся виском в стекло. Холодная поверхность обожгла кожу, вызвав новый приступ горечи и внутренней боли.

– Домой... – еле слышно проговорил он. – И поскорее, Глеб...

Водитель нахмурился, будто решая сложную задачу. Их взгляды пересеклись в стекле заднего вида. Включил обогрев, Глеб шмыгнул носом, кутаясь в куртку и вырулил с площадки перед мостом. Заградительные ленты уже лежали на истоптанной в кашу поверхности дороги. Движение восстанавливалось – гаишник в тулупе регулировал утренний поток машин, не позволяя им приближаться к разрушенному участку.

Кирилл чувствовал, как вокруг его головы сжимается обруч. Виски ломило, в горле пересохло.

– Дай воды, – негромко произнёс он и через мгновение получил вожденную бутылку.

– Зря мы поехали туда, – хрипло произнес Глеб.

– Что? – отвлёкся Бархатов, с трудом закручивая крышку.

– Я говорю, зря мы поехали туда. Увидеть такое своими глазами... – водителя передёрнуло.

– Ее машина пустая... – сквозь зубы процедил Бархатов.

– Но вы же понимаете, Кирилл Андреевич, на скорости с моста, мордой вниз... Никаких шансов.

– Ты... – Бархатов подёргал себя за ворот, словно давясь от удушья.

– Жарко? – Глеб тут же выключил печку.

Ноздри Бархатова затрепетали в невысказанном гневе. Он и сам не смог бы себе объяснить, что на него нашло, ведь Глеб ни в чём не виноват. Бархатову нужно было с кем-то поделиться. Нет, не так... Он просто не мог поверить в то, что произошло. Это всего лишь дурной похмельный сон после вчерашнего вечера...

– Это случайность, – Глеб вытер лоб тыльной стороной ладони.

Бархатов только сейчас заметил, какой болезненный вид у водителя. Скорее всего и он сам выглядел не лучше. А Стаси вообще больше нет... Бархатов не сдержал глухого стога.

Они подъехали к высотке в центре города. Выключив зажигание, водитель посмотрел на его отражение в зеркале.

– Могут ведь и не найти, да?

– Что? – очнулся Бархатов и огляделся. – Куда ты меня привёз?!

– Домой. . . – Глеб повозился на сидении, засопел, сжимая в ладонях руль.

Бархатов невесело усмехнулся и кивнул:

– Не елозь. Поезжай. Я потом тебя наберу.

Он вышел, зябко сунул руки в карманы и зашагал в сторону подъезда. Водитель выдохнул и набрал номер в телефоне:

– Пост сдал. Объект направляется в квартиру. Я в гараж.

Бархатов спиной почувствовал, что водитель провожает его взглядом до подъезда. Должен был выйти и сопроводить на этаж, но понял по взгляду Кирилла, что лучше не лезть под горячую руку.

Кириллу было тошно. Тугой клубок внутри начал скручиваться под утро, еще во сне, гораздо раньше, чем раздался звонок телефона. Но не было предчувствия, чёрт возьми, только злость. На Стасю.

Словно в тумане Бархатов поднялся на лифте. Ему стало жарко, будто не было этого пронизывающего холода там на мосту. Словно это не он сжимал челюсти, чтобы стуком зубов не выдать своё состояние.

Бархатов ввалился в квартиру и, уже не сдерживаясь, завыл, вцепившись в волосы:

– Сука-а!!! Вернись!!! – а затем сполз по стене, зажимая голову руками.

8

Бархатов не умел плакать. Нет, когда-то давно, когда он был ребёнком, то, наверное, мог, но Бархатов почти не помнил того времени. Обрывочные скудные воспоминания канули в Лету вместе со старой «хрущёвкой» и «невразумительными» родителями. Единственное, что осталось у него – это фамилия. Остальное он просто вычеркнул из своей жизни, подвёл однажды черту и никогда не сожалел об этом. О чём там было жалеть? О полунищенском существовании, вечно пьяном отце-журналиге, не вылезавшем из командировок и дружеских посиделок с такими же алкоголиками-интеллигентами? Матери, которая, замолчав однажды, цедила по паре слов в день, купаясь в своей вечной депрессии и совсем не заботясь о доме? Спасибо, не наплодили кучу себе подобных, обошлись одним Кириллом.

В какой момент он решил уйти от них? Тогда ли, когда увидел мать за бутылкой рядом с отцом. Или тогда, когда во время пьяной свары кто-то из них толкнул его, отчего он так сильно ударился головой, что потерял сознание, а ему даже врача не вызвали. Или потом, позже, Бархатов уже не помнил.

Как же долго он добивался того, что сейчас грело его душу – нет, не богатства и власти – отсутствия воспоминаний. Раньше хотелось стереть их тряпкой, вытравить какой-нибудь химией, ядом – в начале пути он так и делал, но, видимо, то, что он считал отравой, на самом деле явилось пищей для его памяти. Следовало идти другим путём и, слава Богу, он нашёл этот путь, который и привёл его к сегодняшним победам.

Ничто и никто не мог заставить его свернуть. Словно танк, Бархатов ворвался в недоступный для него ранее мир – мир роскоши и больших денег. Это стоило ему огромного труда и напряжения, новых знаний и болезненных ошибок. Но главным было то, что с самого начала он знал одну единственную вещь – он, Кирилл Бархатов, достоин всех благ этого бездушного мира. И сам он является его зеркальным отражением – холодное, глянцевое и острое лезвие, с размаху отрезающее нужный кусок, перерубающее вены и жилы, связывавшие его когда-то с прошлым.

...Сидя на дубовом паркете, видя себя в огромное, во всю стену, зеркало, Бархатов не узнавал собственное отражение. Будто поверхность вдруг резко помутнела, покрылась грязными разводами и точками раздавленных мух. Бархатову даже показалось, что по полу резво пробежал крупный рыжий таракан, которых было вдосталь в родительском доме.

Кирилл стащил с ноги ботинок, бросил в сторону таракана, задев стеклянный вазон с цветами. Этот букет он принёс Стасе два дня назад. Он постоянно дарил ей цветы... И вот сейчас они стоят здесь, в прихожей, словно похоронный венок...

По спине Бархатова пробежала струйка холодного пота. Он вытер лицо и удивился скопившейся на щеках влаге, ведь глаза его были абсолютно сухими. Дёрнул головой, вновь взглянул в зеркало. На него смотрел высокий крупный брюнет с лёгким загаром и волевым подбородком. Галстук сбился в сторону, белоснежная рубашка казалась грязной и неопрятной, одна нога, лишившись ботинка, выглядела комично, но Бархатову было не до смеха.

«Брюнет в одном ботинке», – сказала бы Стася.

Сказала бы Стася... сказала бы Стася...

Кирилл с трудом перенёс своё тело на четвереньки. Его опять замутило, повело. Следовало взять себя в руки, но они отказывались его слушать – дрожали, мучительно ныли, так некстати вдруг вспомнив мягкость волос Стаси и тепло её тела. Непостижимо – его мозг, кажется, замер, не в силах принять утрату, а тело помнило, саднило каждой клеточкой, само требовало этот наркотик, которым для него стала эта девушка...

– Девочка моя... – прошептал Бархатов и опять удивился собственному голосу. Да что это с ним?!

Через силу Бархатов поднялся, шаркая подошёл к зеркалу – ни пылинки. Никаких тараканов и раздавленный мух. Взгляд выцепил бутон каллы на уровне его бедра. Длинный стебель с нежной верхушкой.

«Белое каре, как у меня!» – сказала Стася, когда принимала букет.

Стебель у цветка такой же гибкий и сильный, как её фигура.

Тот, кто назначил каллы символом смерти, оказался прав. Но Стася любила их... А он потворствовал ее желаниям. Как умел...

Бархатов поморщился и, ощерившись, словно загнанный волк, вытащил цветы из вазона, смял их, задыхаясь от ванильного запаха, открыл входную дверь и выбросил на узорчатую плитку холла.

Стало немного легче. Кирилл рванул в ванную комнату, включил воду в душевой кабине, разделся и встал под ледяные струи. Зашипев, всё же добавил горячей воды. Стоя под искусственным ливнем, закрыл глаза.

...Тонкие руки нежно обхватили его за плечи, медленно стали опускаться вниз, очерчивая контуры тела...

– Какой большой мальчик... Что я должна сделать, Кирилл Андреевич? – За лёгкой хрипотцой он вдруг слышал насмешливые нотки в голосе Стаси. – Кирилл Андреевич?..

Бархатов вздрогнул.

– Кирилл Андреевич? Это я! У вас всё в порядке?

– Да! – Бархатов выключил воду и вытер полотенцем лицо и волосы. Теперь в зеркале отобразилось его тело – подтянутое, рифлёное, отполированное спортом, частыми массажами и маслами. Он всегда гордился своей формой. Что ж, надо отдать должное предкам по отцовской линии. В молодости даже его папашка выглядел прилично, а он всякому спорту предпочитал один – литробол.

Опять эти глупые аналогии и воспоминания. Пора заканчивать с этим, пока сам себе не опротивел.

– Олег, – Бархатов, запахнув халат, вошёл в гостиную.

Матушкин дождался окончания работы кофемашины и, аккуратно прихватив чашку, поставил её перед Бархатовым. Рука его дрожала. Он и сам видел это, поэтому старательно отводил глаза под пристальным взглядом начальника и сел чуть в стороне, на краешек дивана.

Не прикоснувшись к кофе, Бархатов выжидающе молчал.

Матушкин кашлянул:

– Я сейчас оттуда, – он махнул рукой в сторону прихожей. – Там всё закончили. С машиной, я имею в виду.

Бархатов нахмурил тёмные густые брови.

Матушкин вытер бледное лицо и развёл руками:

– Кирилл Андреевич, вот получается пока так – не нашли...

Бархатов наклонился вперёд, сверля зама глазами.

– Вы же понимаете, они, то есть водолазы, спустились. В машине её не было. Стёкла разбились во время удара. Удар сильный – передок покорёжило. Она, наверное, пыталась выбраться, но... Говорят, под лёд утащило, а потом дальше могло унести. Погодные условия не позволяют дно исследовать, сами понимаете... Но вот ботиночек нашли...

– Ботиночек?

– Ну да, ботиночек в машине остался. Такой, с меховой опушкой... Вам лучше знать, – Матушкин бросил быстрый взгляд на Бархатова, а затем снова опустил глаза.

Кирилл наконец взял чашку и одним глотком осушил её.

– Я договорился, чтобы вам звонили. Ближе к полудню, да? – Олег сверился со своими часами. – Я подумал, что вы захотите отдохнуть.

Бархатов кивнул. Да, ему нужно было хотя бы просто полежать, собраться с мыслями, привыкнуть к тому, что ситуация изменилась, смириться с тем, что Стаси больше нет... Он вздохнул и тут же почувствовал резкую боль в виске. Прижав ладонь к голове, слегка помассировал.

– Что? Плохо? – Матушкин вскочил с дивана. – Воды?

– Сдурел?! – рявкнул Кирилл. – Промёрз немного. Ну и нервы, сам понимаешь.

Матушкин не понимал – это было видно по его растерянной физиономии. Действительно, откуда у Бархатова нервы?

– Мне скандала только не хватало, – медленно проговорил Кирилл. – Представляю, как это будет выглядеть... – он вдруг неожиданно и зло рассмеялся.

Матушкин на мгновение оцепенел, а затем тихонько захихикал в ответ, присоединившись к этому холодному металлическому смеху и желая как можно скорее убраться из квартиры Бархатова.

Но Бархатов не дал ему этой возможности. Он велел Олегу ждать, переоделся и наскоро выпил ещё один эспрессо, давясь и не чувствуя вкуса. Матушкин сам был за рулём, и Кирилла этот факт неприятно кольнул – он не любил непрофессионалов. Но собственному водителю звонить не стал. Пусть отдохнёт. Даже если он понял, что с шефом творится неладное, он никогда ничем не выдаст этого. Смерть Стаси и его не оставила равнодушной – Кирилл видел, как тот покрылся мертвенной бледностью в момент известия. Ему пришлось ехать за город, чтобы привезти Бархатова. А ведь они со Стасей планировали провести там несколько дней и остаться на праздники. Но он сам все испортил, поэтому она ушла...

Матушкин и Бархатов молча приехали в офис, разошлись по кабинетам, даже не взглянув друг на друга. Бизнес ничего не хотел знать про выходные и праздники, он выдавливал все ненужные эмоции. Для него не существовало жизни и смерти. А Бархатов уже и сам не понимал, жив он или мертв...

9

Бархатов смотрел прямо перед собой, не в силах пошевелиться. Словно чугунная плита, реальность давила на него, требуя хоть какого-то эмоционального выплеска. Но он и так позволил себе слишком много.... И это было неправильно. Стало только хуже.

«Почему ты бросила меня?»

...Есть ли смысл выбирать между женщинами, когда тебе нужна любовь? Нет, не та любовь, о которой талдычат с экрана телевизора, в соцсетях и придурковатых песенках. Бархатов не верил в то, о чём любит разглагольствовать большинство людей на планете. Физиологическая потребность в любви, как в еде и питье, была гораздо понятнее и прагматичнее любых восторженных и путаных объяснений. Собственно, никто и не пытался объяснить Кириллу все прелести этого чувства – это было бы странно, учитывая его окружение.

В детстве Кирилл Бархатов был чрезвычайно развитым, но замкнутым ребенком. Он много читал, много знал и никому не верил. Это очень помогло ему потом – советчики бы только мешали. Бархатов скрупулёзно учился «делать» бизнес. Не тот, которым грешило большинство знакомых. А тот, о котором писали книги и для кого был создан список Форбс.

Кириллу исполнилось тридцать пять, и за семнадцать лет с того момента, как он покинул отчий дом, Бархатов достиг по-настоящему высокого финансового положения. Ещё учась в университете на физико-математическом, он познакомился с Вадимом Зальманом – тихим очкариком, которого Кирилл считал гением. Бархатов мог бы справиться и без него, разумеется, но история ведь не терпит сослагательного наклонения, поэтому Зальман был рядом с ним до того момента, пока не умер от аневризмы.

С тех пор Бархатов предпочитал никого не приближать к себе слишком близко. Терять оказалось больно и противостоестественно...

Так и с женщинами – выбрать на какое-то время подходящий экземпляр не было проблемой. Уж свои-то вкусы Бархатов прекрасно знал. Выбор был велик, и всё же, Кирилл злился. Он постоянно сталкивался с одним и тем же – женщины или были глупы, как пробки, или хитры.

Свобода была для Кирилла самым ценным ресурсом. Он не искал себе жену, хотя возможностей и вариантов, разумеется, было предостаточно. В конце концов он мог бы с помощью суррогатной матери родить себе парочку детей, но Бархатов каждый раз морщился от одной мысли о наследниках. Он не был чадолюбив до зубовного скрежета. Быть может, он думал бы иначе, если бы у него были сестра, или брат, к которым бы он привязался, но этого не случилось.

И слава Богу – так ещё год назад говорил себе Бархатов, наблюдая из-за огромного окна своего офиса за мельтешащими внизу людьми. Слишком хлопотно...

В дверь постучали. Вслед за стуком раздалось робкое покашливание:

– Кирилл Андреевич?

Бархатов повернулся. Кивнув Матушкину, сел за стол, плеснул воды в стакан. Олег, аккуратно прикрыв за собой дверь, сел напротив и положил перед собой телефон. Бархатов молчал, давая заму возможность начать первому.

– Кирилл Андреевич, я по поводу тендера, – Матушкин отвёл глаза. – Тягаться с москвичами, знаете ли... Я тут посчитал, проверил всё – выхлоп-то копеечный, а вложений потребует много. Этот заводик легче снести, чем модернизировать. Что вы, ей-Богу, зациклились на нём? Мало, что ли, других объектов?

Бархатов приподнялся над столом и сжал стакан. Тонкое стекло хрустнуло.

– Ты что это выдумал – учить меня?!

Матушкин выпрямился и замер, замороженный этой ледяной волной.

– Вы просили посчитать, я сделал... Я понимаю, что сейчас вам...

– Я не прошу твоих советов, – припечатал Бархатов.

Матушкин внимательно посмотрел на него.

– Хорошо. В этом случае можно попробовать такой вариант – продавить ситуацию с помощью мэра. Вы ведь... – он поискал слова, – будет лучше, если вы сами...

Бархатов с шумом втянул ноздрями воздух.

– Да, мне придётся сделать всё самому. Как и всегда. Перешли расчёты мне на почту. – Бархатов замер, уставившись в одну точку. – Вероника здесь?

Матушкин медленно кивнул. Его губы тронула еле заметная усмешка:

– Да, я вызвал ее.

– Тогда пусть зайдет, – велел Кирилл и отошёл к окну. Сердце его вдруг заколотилось, в голову полезли странные мысли, накрывая удушливой волной.

Как там говорят – клин клином вышибают? Вот и Стася вышибла его клином, прошлась по нему катком. Неужели он сам позволил ей сделать это? Как вообще это могло произойти?!

О появлении секретарши Кириллу возвестило дробное постукивание каблуков.

Бархатов медленно повернулся и пристально оглядел её. Сколько он уже не прикасался к этой красивой блондинке? Кирилл втянул носом запах её духов и поморщился. Слишком резкие, приторные, слащавые, как и глянцево-блеск на полных губах. Печальный, соболезу-ющий взгляд.

Правая бровь Бархатова дрогнула – что не так? Он всегда был добр по отношению к Веронике, если это не касалось работы. И всё же, кажется, он отпустил вожжи, если даже секретарша позволяет себе так явно демонстрировать жалость.

Бархатов потянул за узел галстука, освобождая горло.

– Запри дверь, – он снова оглядел фигуру Вероники. Кажется, она поправилась на несколько килограмм, и это явно делало её старше. Ну, не жить же он с ней собрался, в конце концов. Та, которая удовлетворяла его желания, теперь лежит окоченевшая на дне промёрзшей реки...

– Кирилл Андреевич, – произнесла Вероника, не двигаясь с места. Оглядев стол, она заметила треснутый стакан и лужу. – Мне очень жаль... Это так страшно...

Бархатов подошёл к ней и заправил выбившийся локон за ухо девушки. Сразу почувствовал, как она отстранилась – лёгкий взмах ресниц, еле заметное движение пальцев. Сбившееся дыхание натягивало ткань на её груди. Кирилл начал судорожно расстёгивать пуговицы на белой блузке, стараясь как можно быстрее добраться до кружевного белья.

– Кирилл Андреевич, – Вероника вдруг резко положила ладонь на его руку и крепко сжала останавливая. – Вам плохо, я всё понимаю, но...

– В чём дело? – спросил Бархатов достаточно громко, чтобы секретарша буквально подскочила на месте.

– Кирилл... Андреевич, я замуж выхожу через месяц.

Брови Бархатова приподнялись от удивления.

– Ты?..

Прозвучало это в том же духе, что «И ты, Брут». Медленно опустив руку, смотрел на неё, ожидая продолжения.

– Я говорила тебе... вам... Подумала, что на свадьбу приглашать, наверное, не стоит... Я надеялась, что... ты поймёшь... – путанно произнесла Вероника, моментально покрывшись рваным румянцем. – Мы ребенка хотим завести.

Раньше Бархатову очень нравилась эта её способность даже в самые откровенные моменты краснеть, словно наивная девочка. Но Веронике до чистого ангела было так же далеко, как до Луны.

– Я не претендую на ни на тебя, ни на отцовство для твоего будущего ребёнка, – криво усмехнулся Кирилл. – У меня нервы на пределе. Мне просто нужна хорошая разрядка. – Он

стали галстук и бросил его на стол, попав в центр лужи. Попрошавшись с шёлковым творением за триста евро, он перевёл мрачный взгляд на секретаршу.

По лицу Вероники текли слёзы. Нос её распухал прямо на глазах, и две мокрые полоски расчертили идеальный до этого макияж на щеках. Вероника сглотнула, всхлипнув, и через силу стала опускаться на колени перед Бархатовым, держась за его локоть. Кирилл ещё помнил, как были грациозны и плавны её движения раньше. Не такие, как у Стаси, конечно... Вероника никогда не любила Бархатова, но он ей нравился. И Кирилл знал это. Он видел интерес в её глазах с самого первого дня знакомства в его офисе. Их сближение произошло так же быстро, как он выпивал первую чашку кофе по утрам. Молодая, толковая баба, которая знает, чего хочет.

Бархатов был успешен и хорош собой. Любая женщина задерживала свой взгляд на его лице и фигуре, замирала от звука его голоса и дрожала от случайного прикосновения. Вот только Бархатов старался ни к кому не прикасаться даже случайно. Он был достаточно брезглив и бережлив по отношению к себе, и именно это влияло на выбор его окружения. Вероника не была глупой, и тем более, ветреной. Бархатов знал, что она ни с кем не спала и не встречалась, пока находилась в отношениях с ним. Собственно, в каких отношениях – договорённости.

– Ты же сам сказал... Что она... она для тебя... – Вероника вцепилась в его ремень и почти повисла на нём, не закончив предложения.

Бархатов смотрел на неё сверху вниз – на то, как она пытается одеревеневшими пальцами расстегнуть этот чертов ремень, как её светлая макушка подрагивает от еле сдерживаемых рыданий. Он отодрал от себя её руки и прорычал:

– Умойся. Не хватало ещё, чтобы тебя увидели с таким лицом. – Затем Кирилл вернулся за стол и тяжело опустился в кресло.

– И-извините, – прошептала Вероника, но Бархатов уже не видел её лица.

– Убери здесь всё. И... забудем про это недоразумение.

Вероника засуетилась, промокая разлитую воду бумажными салфетками:

– Звонил Гордецкий, – она высморкалась. – Опять спрашивал, что ты... вы решили по поводу реконструкции. Напоминал про обещание.

Кирилл потёр левую ладонь – верный признак прибыли. Странно так реагировать на слова о Гордецком – что можно взять с этого придурка и его вертепа, то бишь, театра. Бархатов покачал головой – зря он так... Стасю он нашёл именно там.

– Что ему передать? – робко вставила Вероника.

– Ты его любишь? – вдруг глухо спросил Бархатов.

– К-кого? – не поняла секретарша.

– Того – за кого замуж выходишь.

– Он очень хороший, – снова покраснела Вероника. – Мне с ним спокойно...

– Дура ты...

– Ага, – быстро согласилась она. Губы ее опять страдальчески задергались. – Кирилл, мне очень жаль...

– Ладно, иди. Забудь всё, – поморщился Бархатов.

– Спасибо, Кирилл... Андреевич, – Вероника приложила руки с осколками стакана к груди и попятилась к выходу. – И вообще, спасибо за всё! За клинику, за маму... Сама бы я не смогла, это такие деньги... Спасибо...

Когда дверь за ней закрылась, Бархатов нахмурился. Ах да, конечно, мать Вероники с каким-то заболеванием – он даже не углублялся в эту тему. Пансионат, уход, сиделка...

– Какого чёрта? – хрипло произнёс он и сжал голову в тисках собственных рук.

10

Воскресенье. Влада

Выходной день прошёл словно в тумане. Перед глазами Влады постоянно возникала картинка из ресторана, Бархатов и Стася. Внутри зародилось какое-то новое чувство, замешанное на злости и сожалении. Его горечь разъедала, изводила, лишала сил. Ко всему прочему добавилось першение в горле и головокружение. В субботний вечер она промёрзла и снаружи, и внутри.

Никакие слова и мысли не способны были успокоить её. Хотелось выть от осознания собственной никчёмности. На что она надеялась? Что Бархатов выберет её? Нет, нет и нет!!! Но не Стасю же... Чёртова Стася...

...– Почему ты бегаешь от меня? – Стася поймала её у двери в туалет.

Влада огляделась и напряглась, оставшись с ней наедине.

– Я не бегаяю. Уроков много.

– А... – усмехнулась Стася. – А я думала, боишься, что побью.

У Влады перехватило дыхание, что не осталось незамеченным. Стася скривила губы:

– Ладно, я всё поняла. Подарок хоть понравился? Быстро нашла?

Влада сунула руку в карман и нащупала цепочку.

– Да... Я тебе ее верну.

– Вернёшь? – удивилась Иволгина. – Не надо, носи! – Она развернулась и зашагала по коридору прочь.

Забор заварили. Вечером, когда Влада находилась в комнате, её соседки бурно обсуждали последние события. Влада лежала на кровати, вперившись глазами в книгу, не в силах прочитать ни единого слова. Она прислушивалась к разговору девочек, но сама помалкивала. Стасе досталось от старших ребят. Про Владу не было сказано ни слова. Иволгину она видела потом с синяком на скуле, но та продолжала хохмить и заниматься своей балетной гимнастикой во дворе каждое утро. Авторитет Стаси не упал, ее будто бы даже поддерживали. Стася вела себя как ни в чём не бывало и с Владой – здоровалась коротким «привет!» и проходила мимо.

Так продолжалось некоторое время. Недели через три после случившегося Стася заглянула к ней в комнату и попросила черную водолазку на выступление. Влада, разумеется, дала.

Она знала, что Стася будет танцевать перед всеми на сцене. Репетиции, которые проходили в актовом зале, привлекали внимание не только преподавателей, но и воспитанников. На концерт должны были приехать спонсоры и люди из попечительского совета.

Влада тоже ходила смотреть на эти репетиции. Стояла чуть поодаль, пока на сцене голосил местный квартет, читались стихи и показывались простенькие фокусы. И только в двух случаях она не выдерживала и подходила ближе – когда начинала брэнчать гитара в руках Егора Коломийцева, и когда выпархивала Стася.

Егор был старше их на три года. Высокий, крепкий, с вытравленной челкой, лезущей в глаза, этот парень обладал определенной харизмой. Ну а как иначе, ведь он же и был, по сути, вожаком для местных ребят. Влада, как и остальные девочки, моментально прониклась этим обожанием. И вроде бы понимала, что не представляет для него интереса, но что-то двигало ею, заставляя привлекать его внимание любым способом. Он же посматривал в сторону Стаси. Пожалуй, именно это и сыграло решающую роль. Владе очень хотелось хоть в чем-то обойти Иволгину, хотя бы на шаг. Она чувствовала необходимость доказать всем, что чего-то стоит. И потому, ничто уже не могло остановить ее. Влада написала Егору записку, в которой призналась в том, что он ей нравится, и сунула ее ему прямо в руки. Он даже не удивился. Оглядел с ног до головы, криво усмехнулся и кивнул.

Всего пару раз Влада была в компании, куда пригласил ее Егор. Сидела рядом с ним на лавочке, обмирая от страха и восторга, ничего не понимая из разговоров ребят. Егор интересовался ее семьей, дедом. Спрашивал про его возраст, квартиру. Влада ничего не могла толком рассказать, поэтому только пожимала плечами и хихикала. Знала, что выглядит глупо, но ходила за парнем хвостиком, пока не увидела их целующимися – Егора и Стасю.

И это было так неожиданно, что Влада застыла, открыв рот. Все знали, что между Егором и Иволгиной было своего рода противостояние. Лаз в заборе соорудили именно ребята из компании Егора, по очереди подпиливая палку. Стасе их тайну сдал её малолетний «поклонник», а вот по зубам она получила именно от Егора. И теперь он зажимал Стасю в тёмном углу, а она, заметив Владу, смотрела на неё каким-то заледенелым взглядом.

Когда дед в очередной раз приехал к Владе на встречу, она с облегчением выдохнула. Он уже собирал документы и через какое-то время должен был забрать её из приюта. Дело осложнялось наследованием и продажей квартиры бабушки. Невозможно было понять по лицу деда, что он чувствует. И так ли ему была нужна сама Влада. Её несколько раз вызывали на комиссию, много и пространно спрашивали о том, что она думает, готова ли жить с дедушкой. Эти разговоры Владу раздражали – конечно же она хочет как можно быстрее свалить из детского дома! Окончить школу, пойти учиться, потом работать – все так живут. И конечно же лучше иметь что-то своё, нежели довольствоваться общей комнатой, общим туалетом, общими правилами и подобными Стасе друзьями. История с Егором тогда сильно попортила ей нервы.

Это Иволгина чувствовала себя здесь как рыба в воде – в её семье пьянки были ежедневным занятием. Во время их «побега» она поделилась с Владой короткой историей своей жизни. Рассказала о том, как было страшно засыпать во время таких гулянок, рискуя оказаться под каким-нибудь алкашом или дружком матери, или нечаянно попасть под горячую руку родительницы, когда та была чем-то недовольна. Частенько приходилось ночевать в подвале, где мальчишки организовали блат-хату в одной из клетушек. Но и там было опасно находиться – лет с десяти к Стасе уже проявляли интерес не только парни, но и взрослые мужики. И если от первых она могла бы отбиться, то попробуй, стряхни с себя взрослого сильного бугая.

Детский приют дал Стасе возможность передохнуть, набраться сил, выспаться в конце концов. И, если два раза матери как-то удавалось вернуть дочь – она даже устраивалась на работу, то на третий раз её лишили родительских прав. Как только Стася узнала об этом, она удрала домой. Оттуда её забрала полиция в невменяемом состоянии – Стася застала дома разгульную компанию и с ходу опрокинула в себя стакан водки, стоявший на столе. Потом была драка. В больницу, где ее отмыли и привели в чувство, приехала Елена Васильевна и представитель опеки. Ситуацию удалось замять, но с того момента Стася относилась к тому, что произошло, словно сторонний наблюдатель. Вроде с ней случилось, а вроде, и нет...

Владе было неприятно слушать эти откровения. То, что для других было нормой, у нее вызывало отторжение. Её учили тому, что подобная жизнь присуща маргиналам и передаётся по наследству. Чего и следовало ожидать от Стаси Иволгиной рано или поздно.

Так почему же нынешняя ситуация сложилась именно так – почему Стася разгуливает в дорогом платье и танцует с Бархатовым, а она, Влада, окончившая университет с красным дипломом, прочитавшая гору книг, работает продавщицей в магазине и влачит ужасную скучную жизнь?

Пару раз после того, как она уже покинула детдом, Влада звонила Елене Васильевне. Связано это было с учёбой, и учительница ей здорово тогда помогла, объяснив кое-какие моменты для первой курсовой. Потом Влада уже не звонила, справлялась сама. С праздниками тоже не поздравляла, не видя в этом никакого смысла. Она даже не знала, когда у той день рождения. Да и свой предпочитала не отмечать. Незачем, да и не с кем. Вообще большой потребности в общении не было. Видимо из-за этого и с нормальной работой никак не получалось. Препода-

вать в школе ей не понравилось еще во время учебной практики. Дурацкое чувство, словно ты живешь не своей жизнью, а какая твоя – понятия не имеешь...

Но жить на что-то надо было, особенно после смерти деда, поэтому она пошла работать в торговый центр. Там её никто не знал и с лишними вопросами не приставал. Однако она недооценила собственное тщеславие – сейчас оно лезло из неё, заставляя сознание корчиться от невыносимой злости. Следовало узнать всё о Стасе, чтобы понять, почему всё произошло именно так, разобраться в собственных ошибках. Иначе её просто разорвёт на мелкие кусочки.

11

Влада долго искала свою старую записную книжку, а когда нашла, руки уже тряслись, и лоб покрылся испариной. Она так старалась забыть время, проведенное в приюте, что даже номер бывшей учительницы не стала заносить в свой телефон. И это при том, что относилась она к ней очень хорошо и они могли бы общаться время от времени.

– Елена Васильевна? – спросила срывающимся голосом. – Это Влада Белогурова, помните меня?

Елена Васильевна помнила. Влада скомкано поздравила ее с наступающими праздниками, быстро поинтересовалась здоровьем и почти в лоб спросила о Стасе Иволгиной, упомянув старую дружбу. Непонятно было, поверила ли Елена Васильевна словам Влады, но в ответ она горячо поблагодарила и сказала, что со Стасей не виделась с того момента, как та закончила хореографическое училище. К щекам Влады прилил жар – хоть она и знала о мечте Иволгиной танцевать, но то, что та поступит вообще куда бы то ни было, даже представить не могла. С такими поверхностными знаниями ей была самая прямая дорога во дворники. Ну, или в танцовщицы стриптиза, наверное. А там, где танцы, по всей видимости, и все остальное – мужчины мимо подобного мимо не проходят... Что это было – клуб, приват? Очень даже вероятно...

Владе и раньше казалось, что Иволгина многого не договаривала о себе. И теперь эти мысли вновь появились – то, чего она, якобы боялась в своём доме, могло происходить на самом деле. И не была Стася такой уж невинной овцой, какой прикидывалась. И домой она тогда понеслась, потому что не хотела расставаться со своей свободой. И всё это враньё, которым она так щедро делилась с Владой, было всего лишь приукрашенной ложью. Благородно поступила, не выдав Владу старшим ребятам? Ха, как бы не так – надеялась со временем взять с неё что-то большее. И этот дешёвый подарок – не что иное, как попытка приручить её. И тот поцелуй с Егором, всего лишь, демонстрация своего превосходства над ней.

«Слава Богу, дед забрал меня оттуда. Неизвестно, чем бы всё это кончилось.»

Пообещав как-нибудь заглянуть, чтобы рассказать о себе, Влада положила трубку.

Что ж, теперь понятно, как Стася прорвалась наверх. С её сомнительными способностями сделать это было несложно. Но знает ли Бархатов о том, что из себя представляет Стася Иволгина? Или ей и его удалось заморочить своими бездонными глазами и смехом? Сейчас Влада в этом уже не сомневалась. То, как он смотрел на неё, как касался... Будто она сосуд из тончайшего стекла. Но нет, Стася Иволгина была крепким орешком.

Влада села за стол и раскрыла ноутбук. Стала искать информацию о бывшей подруге. Сайт хореографического училища оказался крайне скуден на информацию – правила поступления, сроки туров, форма одежды, адрес общежития и несколько фотографий. Влада нервно тыкала в снимки, выделяя их по отдельности, словно хотела и в то же время боялась увидеть на них Стасю. Но на фотографиях были сплошь заслуженные преподаватели в годы их профессиональной молодости.

Никаких соцсетей, упоминаний – будто её не существовало. Влада потратила больше двух часов на поиски, обнаружив в себе почти охотничий азарт. Сама не могла себе объяснить, зачем делает это, но продолжала и продолжала, пока не замерла, набрав имя Бархатова. Вот, с кого следовало начинать, а не с тонконогой Стаси. Кто знает, может Иволгина и не закончила это училище – сломала ногу, например. В последнюю встречу она хромала. Но тогда становится совсем непонятно, чем она увлекла Бархатова. Если только он не любитель увечных, инвалидов и асоциальных личностей...

Он был так красив, этот Бархатов, что Влада почувствовала головокружение при взгляде на его фото. Вот он на открытии новой клиники микрохирургии глаза, вот участвует в обще-

городском субботнике, а здесь – заседает в комиссии по сохранению памятников архитектуры города. Высокий, статный, улыбающийся... Такой сильный и уверенный в себе. И нигде, нигде рядом с ним не было Стаси. Откуда она взялась?!

Повинуясь охватившему ее гневу, Влада рубанула рукой по лежащим на столе книгам, смахнув целую стопку на пол. Затем огляделась – в комнате было темно и неудобно. Она прошла по квартире и включила везде свет. Действительно, давно следовало навести порядок. В каждой комнате. И в своей жизни.

Она выгребала бумаги из ящиков и с полок до полуночи. Набралась целая гора в коридоре, пыль поднялась до самого потолка, заставляя Владу постоянно откашливаться и пить воду. В носу свербело, виски и затылок ломило. Если она вообще хочет попасть завтра на работу, то нужно прекращать это дело и идти спать. Никто не будет спрашивать её о том, как она себя чувствует. Никто не пожалеет. Она не может позволить себе спать до обеда, а потом нежиться в ванной, как наверняка делает Стася в доме Бархатова. Она ведь живёт у него? Или он купил ей квартиру и каждый вечер приезжает, чтобы остаться на ночь?

От всех этих мыслей, действий и эмоций градом полились слезы. Влада оттирала их грязной рукой, перевязывая стопку бумаг, найденным огрызком жгута. На следующую кучу уже не хватило, и она полезла в шкаф в поисках какой-нибудь верёвки. Нашла несколько картонных коробок из-под обуви, забитых всякой всячиной. Разбирая их, она наткнулась на свои школьные дневники, тетрадки, старые краски, карандаши... Зачем дед хранил всё это? Перевёз со старой квартиры вместе с альбомами и вещами бабушки и родителей. Весь стеной шкаф забит тюками со старой одеждой и бельем. Оттого и кажется эта квартира неудобной. Нет никакого притока новой энергии. Мила вот постоянно говорит о том, что надо избавляться от старья, чтобы впустить удачу. Но она-то болтает о своих хотелках – новых платьях и туфлях. А если бы увидела берлогу Влады, то в обморок бы упала. Но в гости они друг к другу не напрашивались – слишком разные. Да и говорить особо не о чем. На работе – о работе, тут и сплетни, тут и смех. Без Милы было бы совсем тоскливо. Та даже с Ольгой Александровной умудрялась ладить.

В одном из ящиков Влада заметила цепочку, подаренную Стасей. Взяла её двумя пальцами и поднесла к лицу. Надо же, осталась... Почему-то казалось, что она её выкинула или потеряла. Но нет, она лежала здесь всё это время... Брезгливо отбросив украшение в кучу хлама, Влада наконец осознала, что силы кончились. Она еле доползла до ванной, умылась и переделась в ночную рубашку. Вспомнила, что почти ничего не съела за день. Разогрела суп и, давясь, проглотила несколько ложек. Стало немного легче. Влада вообще готовила очень хорошо, со всей серьезностью относясь к рецептуре и свежести продуктов.

«Ничего, всё как-то наладится!» – пообещала она сама себе и легла спать.

12

Понедельник. Влада

Милу на работу привёз её парень. Она помахала Владе в окошко, когда автомобиль притормозил у входа.

– Привет! Что у тебя с лицом? Глаза красные, – с места в карьер начала Мила, моментально оценив внешность Влады. – Не заболела? – с подозрением спросила она, нахмурившись. – Мне нельзя болеть – у нас билеты на концерт, и ещё мы в клуб с друзьями пойдём. Как выходной провела? – Не дожидаясь ответа, Мила обернулась, проследив взглядом за отъехавшей машиной. Затем порылась в сумке. – Во, видишь, где прячу, – рассмеялась она, выживая пачку сигарет из дыры в подкладке.

– Он разве может к тебе в сумку залезть? – удивилась Влада.

– Хм, ну не специально, конечно, а когда запах учует. Обнюхивает меня постоянно, как пёс. Поэтому у меня духи быстро заканчиваются. – Прикурив, Мила с наслаждением выпустила дым. – Слушай, тут такое дело...

Болтовня с Милой всегда поднимала Владе настроение, хоть и походила больше на сплетни. Она уже приготовилась к рассказу о ком-то из клиентов или общих знакомых по торговому центру, но лицо Милы приняло виноватое выражение:

– Я подумала, что ты должна быть готова. Ольга Александровна вчера на тебя бочку гнала.

– Что я не так сделала? – вспыхнула Влада.

– Не знаю, – ответила Мила. – Но ты же понимаешь, что она всегда найдёт, к чему придраться. Короче, я так поняла, она хочет на твоё место кого-то другого взять. А ты ведь не трудоустроена, на испытательном сроке...

– Я же стараюсь! – У Влады зачесались глаза. Она несколько раз моргнула и отвернулась.

– Ну ладно, чего ты? – Мила загасила сигарету и бросила её в урну.

К входу потянулись другие продавцы, и Влада, шмыгнув носом, взяла себя в руки:

– Она сегодня мне об этом скажет?

– Возможно. Но, может, и нет. До конца месяца-то всё равно доработаешь. Просто сегодня девочка какая-то придет на стажировку...

– Вот как? – Влада поморщилась.

– Сама понимаешь, хозяин – барин. Пойдем?

Они показали карточки пропусков охраннику и пошли в торговый центр напрямик к лифту.

– Ты открывай пока, я сейчас подойду, – Влада остановилась перед поворотом в сторону туалетных комнат.

Мила кивнула и бодро зашагала к магазину.

Влада же, с трудом сдерживаясь, кинулась в туалет. Закрывшись в одной из кабинок, закрыла лицо руками, поставив сумку на крышку унитаза. Ей не было жаль этой работы. В конце концов подобных мест в городе много, но... Здесь она могла хоть изредка видеть Бархатова. И от этих мыслей ей стало действительно плохо. У неё просто разрывалось сердце. Было бы лучше вообще не проснуться сегодня после всех слёз, которые она выплакала в подушку. Она даже не подозревала, сколько в ней скопилось этих эмоций – неправильных, злых и негодующих. И надо же было такому случиться, что виноватой в них оказалась опять Стася Иволгина. Дикая, удушающая ревность свила в душе Влады гнездо за какие-то сутки, и избавиться от неё никак не получалось.

Оказывается, Стася так никуда не делась за эти годы. Влада продолжала жить и внутри себя всё так же обожать и ненавидеть её. Ни один человек, встреченный за это время, не смог

занять её место, пока не появился Кирилл Бархатов. И вот, словно чёрт из табакерки, опять появилась Стася Иволгина, как напоминание о никчёмности и серости Влады. Что она должна была сделать, чтобы стать... Кем? Стасей?

У Влады закружилась голова. Она взялась за ручку двери, но тут услышала шаги.

– ...и представляешь, вот это всё он мне рассказывает утром. С каким настроением я, по-твоему, должна идти на работу, а?

– Жесть, конечно. И что, не нашли того, кто в машине был? Мужчина или женщина?

– Машина бабская – сердечко на лобовухе.

Влада вышла и направилась к раковине. Коротко кивнув в зеркало двум женщинам, стала поправлять растёкшуюся тушь.

– Всё нормально? – спросила одна из них. Кажется, она работала в магазине игрушек.

– Да, – Влада выдавила из себя улыбку. – Живот болит.

– Но-шпу дать? – крикнула вторая, заходя в кабинку.

– У меня есть, спасибо, – Влада выключила воду и сделала шаг к дверям.

– Рит, а Бархатов-то что там делал? На мосту?

– Почём я знаю? Мой муж гаишником простым работает. Просто увидел, как тот приехал и стоял там. Его пропустили. Наверное, присматривался...

– В смысле?

– Ну, он же строительством и дорогами занимается. А этот мост давно хотят до ума довести. Теперь точно сделают. Поручни-то хлипкие, старые. Машина прям вниз нырнула. Ужас...

– Да... Жалко, конечно, её... ну, женщину... Молодая? Красивая?

– Понятия не имею. Найдут, скажут. А то бывает, пока труп не всплывет, никто и не зачешется.

Влада вздрогнула и резко повернулась:

– Хорошего дня, – сказала она, ежась от дурного предчувствия, которое вдруг охватило ее.

– И вам хорошо поработать! – хором ответили ей.

Влада подошла к магазину и остановилась в дверях, глядя на то, как Мила подкрашивает губы.

– Она придёт сегодня? – спросила, имея в виду Ольгу Александровну.

– Конечно, – Мила вытянула губы и полюбовалась на себя в зеркало. – Звонила уже.

Паркуется.

– Знаешь, ты ей передай, что я ушла.

– Ушла? Куда? – выпучила глаза Мила.

– Я ушла, – упрямо повторила Влада. – Найду нормальную работу и вообще... Выйду из сумрака! – Она усмехнулась. – Ты ведь справишься без меня? – За Милу она не переживала. Той, по сути, было всё равно – останется Влада или нет. У неё сменилось столько напарниц, что привыкать к кому-то из них она попросту не успевала.

– Говорю же, придет сегодня кто-то, – пожала плечами Мила и аккуратно завернула колпачок помады.

Стиснув зубы, Влада зашагала прочь, утвердившись в мысли изменить свою жизнь во что бы то ни стало.

13

Приняв решение, Влада прямоком направилась в парикмахерскую. У нее даже пальцы покалывало от избытка энергии, будто ее тело внезапно прошел электрический разряд. И это ощущение ей нравилось. Не так часто она испытывала подобное – в голове все время звучал голос бабушки, у которой всегда и на все было свое, правильное, мнение. И Влада верила ему с детства, потому что это тоже было правильно. Любовь и долг в понимании бабули были неразрывно связаны, но долг был важнее. За то, что люди не выполняют своих задач, жизнь их наказывает рано или поздно. Она так хотела донести это до родителей Влады, что, когда их не стало, ушла сама, не выдержав тяжести случившегося. Ведь сколько раз выговаривала им, что когда-нибудь они замерзнут в своих горах! И сколько раз напоминала Владе о том, что они выбрали не ее, а бездушный снег. Их долг заключался в том, чтобы растить и воспитывать дочь, оставаясь с ней, а родители, наоборот, готовили ее к тому, что когда-нибудь они вместе уедут, будут жить и работать рядом с лыжной трассой. Сознание Влады разрывалось, она жаждала и боялась перемен. Любила родителей, страдала в их отсутствие, но размеренная жизнь рядом с бабушкой, ее долг по отношению к ней – тоже являлись частью ее жизни. Она не представляла, что сможет бросить ее, и потому старалась ничем не вызвать упреков и сожалений.

Теперь она может и должна принимать более обдуманные решения, вот только голос бабушки до сих пор звучал в ее голове: «Не вздумай стричь волосы – ты же девочка! Не крась лицо – так делают только вульгарные женщины...»

И, если бы ей отказали в парикмахерской, она, пожалуй, вряд ли пошла искать другую. Но у мастера было не занято, поэтому Влада выдохнула и села в кресло.

...– Ну вот, как-то так, – парикмахерша провела ладонями по её волосам и взялась за флакон с лаком.

– Нет, не надо, – остановила её Влада. Она смотрела на своё отражение и не узнавала себя.

– Прям другой человек! Каре вам к лицу, – улыбнулась мастер. – Хотя волос жалко.

– Отрастут, – произнесла Влада. Сейчас отрезанные пряди лежали на полу и казались чужими.

– Вам повезло – обычно на осветление уходит гораздо больше времени. Русоволосым стать блондинкой проще.

Влада качнула головой, ощущая необыкновенную легкость.

– Тогда всё, – мастер сняла с нее защитный фартук и легонько прижала волосы на затылке.

– Да, Вы правы, всё... – Влада рассчиталась, совершенно не жалея о потраченной сумме. Нужно было ещё прикупить что-то из одежды, что-то совершенно несвойственное ей, и от этого ожидания её заметно потряхивало.

Когда Влада вошла в большой магазин косметики на этом же этаже, она растерялась. Долгое время в её косметичке лежали лишь тушь, да бестолковая помада нежно-розового цвета, которой она почти не пользовалась. Вот у Милки с собой всегда был целый арсенал коробочек, тюбиков и флаконов. Интересно, что сейчас происходит в их бутике, и пришла ли Ольга Александровна?

Влада прошла вдоль зеркальных витрин. Сердце её бешено стучало, когда она видела свой новый облик. К этому вообще можно привыкнуть?

– Вам помочь? – к ней подошла девушка-консультант.

– Да, я не совсем понимаю, что мне...

– Я с удовольствием вам помогу! – Она протянула Владе яркую листовку. – Это – цветовая гамма для вашего типа. А уж по фирмам и ценам смотрите сами. Выбирайте, что вам больше нравится.

Влада переводила взгляд с листочка на выставленные образцы и нервно покусывала губы.

– У нас, кстати, сейчас есть услуга – пробный макияж. Не хотите? – консультант указала пальцем на невысокую тумбу в углу магазина. – Я могу пригласить визажиста.

– Это дорого? – смутилась Влада.

– Нет, – ответила продавец, – в рамках рекламной акции это бесплатно. Но желательно потом купить что-то из косметики этого бренда, – вполголоса добавила она.

Через пару минут Влада уже сидела на высоком стуле, положив на поручни влажные ладони. Ухоженная девушка в нагрудном фартуке с логотипом известной фирмы вышла из подсобного помещения, на ходу вытирая руки белой салфеткой. От её пальцев пахло розовой водой, но она ни разу не коснулась лица Влады, используя только спонжи и кисточки. Во всём этом действии было что-то такое, отчего мурашки пробегали по коже, отвлекая Владу от мыслей и проходящих мимо людей.

Макияж занял не так уж много времени. Её развернули к большому зеркалу и предоставили самой себе.

Влада задержала дыхание, чувствуя, как сгущается воздух. Она с трудом разлепила губы и осталась сидеть с полуоткрытым ртом, не в силах произнести ни слова.

– Вам нравится? Это классический вариант дневного макияжа. В линейку продуктов, использованных в данном случае, входит карандаш цвета...

Влада не слушала, поглощённая тем, что видела. На неё смотрела она сама, но в то же время, другой человек, другая женщина, удивительнейшим образом похожая на Стасю Иволгину...

Словно во сне, Влада купила то, что ей предложили. Держа красивый пакет в руках, она вышла из магазина, вновь оказавшись в галдящей толпе. В нескольких метрах от себя заметила Ольгу Александровну с недовольным лицом и в распахнутом полушубке. «Что за манера ходить в помещении в мехах? – подумалось ей. – Демонстрация собственной значимости и благополучия?» Бывшая хозяйка скользнула по ней беглым взглядом и понеслась дальше, не узнав. Это озадачило Владу. Да, всё-таки недооценивала она возможности внешнего вида...

На неё оглядывались. Задерживались, рассматривая, парни и мужчины. Женщины изучали исподволь, оценивая и поджимая губы.

Деньги у Влады были. Она почти не тратила их в последнее время. Дед предпочитал хранить сбережения наличкой, да и их образ жизни не оставлял сомнений для окружающих, что они с трудом сводят концы с концами. Богатством не назовёшь, но определённая подушка безопасности у Влады была, хоть и пришлось изрядно потратиться на похороны деда. Восполнять запасы приходилось регулярно, оттого она и мыкалась в поиске более или менее подходящей работы. Но следовало признать, что дальше так продолжаться не могло – нужно было найти приличное место и стать тем, кем ей теперь мечталось – красивой, успешной, богатой. Возможно, приблизиться к кругу тех, с кем общался Бархатов...

Изучая витрины больших магазинов, Влада шла по торговому центру, словно очутилась здесь впервые. Новый образ диктовал новые правила, но внутри она оставалась всё той же Владой Белогуровой – серой мышкой, по собственной воле выбравшей безликое существование. Чтобы сделаться другим человеком, нужно было обладать силой характера, а она даже толком не представляла, есть ли он у неё. Всю жизнь убегала от трудностей, связанных с общением и выбором. Всё время кто-то предоставлял ей возможности, а она вяло соглашалась, не принимая ничего. А потом раздражалась в ответ на эти предложения, потому что чувствовала себя обманутой. Но обманывала она себя сама, и сама была виновата в том, что её жизнь скучна и неинтересна. Теперь, раз уж начала, нужно было двигаться вперёд – начинать уже представлять себя не в заячьей норе, а на новом рабочем месте... Возможно, даже в этом костюме...

Влада остановилась, разглядывая костюм в витрине, комкая в кармане лист с цветовым кругом. Внезапно она почувствовала чей-то взгляд в спину. Моргнув, взгляделась в отражение в стекле.

Позади неё стоял высокий мужчина. Между ними проходили люди, а он продолжал стоять, сверля глазами её затылок. Влада не выдержала и обернулась. Зрачки его расширились – она прочитала в его лице нечто, больше похожее даже не на удивление, а скорее, на недоумение. Она узнала его сразу – охранник Бархатова. Он смотрел в упор, будто окаменев, и его лицо становилось все бледнее с каждой секундой.

Влада передёрнула плечами. Заметил, что она похожа на... Конечно, так и есть. Ну и плевать! Она решительно вошла в магазин и направилась к стойкам с одеждой.

14

Понедельник. Глеб

Глеб вошёл следом, сжимая в руке пакет с только что купленной рубашкой. Чтобы переодеться, ему пришлось бы ехать по пробкам целый час, а торговый центр был рядом с офисом. Бархатов мог вызвать его в любой момент, так что не стоило давать лишний повод усомниться в себе. Глеб собирался быстро переодеться в машине – хотя бы рубашку, потому что на выбор и покупку джинсов совсем не оставалось времени. Юлечка все время говорила ему, чтобы какие-то вещи он хранил у нее в квартире. А он не видел причин захламлять ее пространство. Теперь вот мотался в том, что на нем, в ущерб собственному имиджу и здоровью. Впрочем, об этом следовало подумать еще вчера, когда Бархатов отправил его в гараж. А он свалился там на диван в подсобке и вырубился, пока не тот снова не позвонил ему. Бархатов, кажется, ничего не заметил. Да ему и не до того было. Глеб отвез Кирилла Андреевича в загородный дом, а тот велел ему остаться. И Глеб не смог отказать, хотя чувствовал себя погано, но ведь Бархатову было еще хуже...

Штормило до сих пор. Хорошо, что Юлечка об этом не знает. И хорошо, что не смотрит телевизор, и не слушает новости... Главное, чтобы не переживала, не волновалась. У нее своих проблем полно. Она верит ему, но злоупотреблять ее доверием нельзя.

Блондинка рассматривала одежду, а Глеб не сводил с неё взгляда. Он не мог поверить, что перед ним посторонняя девушка. И чем дольше он разглядывал её, тем больше убеждался, что аффект неожиданности пропал. Нет, цвет волос, причёска, фигура – всё сходилось, но это была не Стася. В первое мгновение, когда он увидел её, у него сердце провалилось в живот. Какого чёрта она здесь делает?! Она же должна быть на дне реки, под холодной толщей льда. Её ищут или делают вид, что ищут. К Бархатову приедет следователь, все это будет тянуться какое-то время. И это время следует пережить, затаиться, спрятаться. Не выдать своих эмоций, скрыть их под маской сочувствия, что было катастрофически трудно.

Глеба вдруг пронзила мысль, страшная и дикая. У него моментально вспотели руки и защекотало в районе солнечного сплетения. «А что, если все откроется? Ну вот сколько будут длиться ее поиски?» В прошлом году, так же, зимой, на реке утонули несколько рыбаков. В течение месяца человек шесть. Интересно, их всех нашли? Надо посмотреть сводки. Да, загуглить и внимательно проверить. Сколько у него времени есть в запасе, чтобы придумать что-то на этот счет?

Глеба мотнуло в сторону, и он ухватился за кронштейн. «Эх, Стася... Что же ты наделала! Самое место тебе на дне, голова твоя бедовая. Черти да водяные бы тебя разодрали! И меня тоже... Вот смотри, ходит твой двойник. Вроде ты, а присмотришься – нет. Другая она – глаза в пол, сутулится, постоянно за волосы себя дергает. Никакого вызова и апломба. Нет, она – не ты – лишь подобие, слабая подделка. Тебя теперь нет... Ну, ты и сама об этом знаешь... Все, прости-забудь, умерла, так умерла...»

Глеб сделал вид, что приценивается к какому-то плащу, но буквы и цифры скакали у него перед глазами так же, как и его мысли. Почему они вообще лезут в его голову?! Жар, что ли, начинается? Нужно срочно уходить отсюда, пока на него не стали пялиться. Он двинулся к выходу.

– Влада, ты? Привет! Охренеть, я тебя не узнала! Ты что с собой сделала? Не работаешь сегодня? – к белокурой девице подошла другая, темноволосая.

– Постриглась и перекрасилась. Захотелось чего-то эдакого. Я ушла из «Подiums», – ответила «копия» Стаси.

– Ничего себе... И что теперь будешь делать? Другую работу искать?

Глеб остановился напротив входа и прислушался. Затем достал из кармана телефон. Включив камеру, поднёс к лицу, отодвинув чуть в сторону. Когда девушка попала в объектив, нажал кнопку. Быстро сунув телефон обратно, он поспешил на улицу. Кажется, он уже где-то видел ее. Или не ее? Ужасная мешанина в голове. Определенно, у него поднялась температура. Где-то в бардачке есть парацетамол. «Значит, Влада? Неожиданно... Судьбоносно...» – горько усмехнулся он. Стася бы долго хохотала, попав в такую ситуацию. Но теперь ей не до смеха. Шутки кончились.

Звонок от Матушкина застал Глеба врасплох. Чертыхаясь, он вытаскивал из рубашки маленькие булавки, которыми были скреплены рукава.

– Да, Олег Иванович, я тут рядом, в машине. Скоро буду, – хрипло произнёс Глеб и пригладил волосы. Его знобило. Кожа зудела, каждый миллиметр ее был наполнен тянущей болью. Нет, болеть нельзя. Нужно быть здоровым и сильным. Таблетки уже начали действовать, через десять минут ему станет заметно лучше. Он даже немного согрелся.

Матушкин встретил его у стойки ресепшен. Быстро подошёл и, прихватив за локоть, зашептал, глядя снизу вверх:

– Ну, рассказывай! Что он тебе сказал, пока вы были вместе? Он вообще что-нибудь говорил? Как себя вёл дома?

Глеб изобразил растерянность и развёл руками:

– Олег Иванович, что вы от меня хотите? Кирилл Андреевич был в таком состоянии... я не лез к нему.

– Да-да, разумеется, – Матушкин соорудил трагическую мину. – А что было, когда вы вчера уехали из ресторана? Как... как это могло случиться? Почему она решила ночью вернуться в город?

– Понятия не имею, – коротко ответил Глеб, ставя точку в разговоре. – Я всего лишь водитель.

Матушкин подобрался, рассматривая Глеба, а затем удручённо покачал головой:

– Конечно. Но я переживаю за него. У меня сердце болит за Кирилла Андреевича. Боюсь, что скоро у него опять начнёт сносить крышу...

– С чего вы это взяли? – озадачился Глеб.

– Он... Разве ты ничего не замечал? – Матушкин сощурил глаза и впился в водителя пытливым взглядом.

– Не замечал чего?

– Ну как же... Ты же знал Стасю, ты видел их вместе. Глеб, мы взрослые люди...

– Да, – кивнул Глеб, – взрослые. И потому, я не буду распространяться об этом...

– Рано или поздно это вылезет наружу, Глеб.

– Вы хотите сказать, что Кирилл Андреевич псих? – ровным голосом спросил Глеб.

Матушкин потёр подбородок.

– Заметь, это ты сказал.

– За то время, что я работаю на него, он вел себя нормально. А то, что он делал со Ста... – Глеб запнулся. Слова застряли у него в горле. – Нет, я ничего такого не...

– Только не надо делать вид, что ты ничего не знаешь, – с кривой улыбкой произнёс Матушкин. – И не надо меня обманывать, Глеб. Я работаю с ним гораздо дольше.

Глеб отвёл глаза:

– Вам виднее, – не выдержал он и спросил, – как вы думаете, он будет её искать?

Матушкин помассировал кончик мясистого носа, отчего тот сразу же покраснел, и заместитель Бархатова стал похож на доброго дядюшку, который любит хорошенько поддать.

– Кого? – не сразу понял Матушкин. – Труп? Да, конечно. Но труп ему не нужен... Ему нужна живая Стася. Он привык к ней, и мне очень жаль, что так случилось. Так невовремя... Но сейчас главное, чтобы он был в порядке. И надо как-то поспособствовать, чтобы Кирилл

Андреевич имел возможность отвлечься, прийти в себя. Тогда он забудет ее. И мы сможем спокойно заниматься делами.

Глеб нащупал в кармане телефон и сжал его в ладони. Когда Матушкин, не прощаясь, направился сторону лифта, окликнул:

– Я тут кое-что видел. Странное.

Матушкин остановился.

– Возможно, это не имеет значения, – уточнил Глеб. – Скажите, Олег Иванович, но что будет, если Станиславу не найдут?

– Не найдут? – осторожно прошелестел Матушкин.

– Я имею в виду, так быстро, как нам хотелось бы... Похоронить человека надо? Надо... Так от кого зависят эти поиски?

– Прежде всего, от него, от кого же ещё? Он готов платить, чтобы они продолжались.

– То есть, вы считаете, что если он не будет настроен на поиски, то сможет быстрее забыть о ней? Взгляните, – Глеб протянул телефон со снимком на экране.

– Кто это? – отшатнулся Матушкин, хмуря брови. – Когда?! Где?!

– Полчаса назад. Но это не Стася. Девушку зовут Влада.

– Серьезно?! Семья, дети? – деловито спросил Олег, всматриваясь в фотографию.

– Без понятия. Знаю, что работала в «Подиуме», но ушла оттуда.

В глазах Матушкина промелькнул интерес:

– Более чем странно... – пробормотал он и бросил на Глеба встревоженный взгляд. – Ты ведь никому ничего не говорил?

– Нет.

– Очень хорошо. Я займусь этим сам. А это, – он ткнул пальцем в снимок, – удали! Или нет, подожди, скинь сначала мне на телефон.

– Конечно. – Глеб проводил взглядом Матушкина до самого лифта.

За эту девчонку, так похожую на Стасю, он не переживал. Наверняка у неё есть хорошая семья, куча родственников, парень или муж. Судя по всему, она и за работу особо не держится – ходит за покупками и примеряет красивую одежду. Любит красивую жизнь, но кто же не любит? Вдруг Бархатов действительно переключится на нее? И возникнет встречный интерес? Тогда бы у Глеба оказалось в запасе необходимое время, чтобы хорошенько подумать, как выпутаться из омота, в который он попал благодаря этой чертовой Стасе...

15

Понедельник. Бархатов

Кирилл опять чувствовал, как горлу подступает горечь. Пальцы, до этого легко парящие над клавиатурой, вдруг начали дрожать сами по себе. Кожа на висках моментально покрылась испариной. Неужели все повторяется?! Вот так сразу, когда прошли только сутки с момента смерти Стаси? Чудовищная правда заставила Бархатова со стоном опустить голову на грудь и замереть, прислушиваясь к себе. Лучше сдохнуть, чем жить в постоянном страхе о том, что все раскроется, и все вокруг узнают, что у него едет крыша.

Он давно понял, что близость Стаси уравнивает его. С ней эти приступы почти прекратились. Она стала его лекарством.

А теперь ее нет.

И нет ему покоя.

Буквы и цифры на экране слились в одно дергающееся пятно. Бархатов откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. В ту же минуту скрипнула дверь и раздался голос Вероники:

– Кирилл Андреевич, можно?

Он тяжело оперся на стол. С трудом сфокусировал взгляд.

– Олег Иванович просил передать, что назначил встречу с Гордецким. На завтра. В театре.

– Что? – Бархатов потряс головой. – Зачем?

– Ну как же... По поводу реконструкции...

– Да, конечно, – сдался Кирилл.

– И ещё. Звонили из ГАИ по поводу машины... Вам нужно сказать им...

Бархатов потёр переносицу и негромко ответил:

– Соедини...

Как только ему ответили, Бархатов снова почувствовал нестерпимую боль в висках и затылке. Он отошел к окну и приоткрыл фрамугу, впустив поток морозного воздуха.

– Да, зарегистрирована на меня, то есть на мою компанию. Да, Иволгина Станислава... Нет, я не знаю, куда она направлялась... Это не имеет отношения... Нет, я не стану отвечать на этот вопрос. Свяжитесь с моим юристом... Я скажу секретарю, чтобы она прислала вам телефон.

Бархатов жадно глотал залетавшие внутрь снежинки, и перед его глазами вставали воспоминания о прошлом вечере.

Они вернулись в загородный дом после ресторана очень уставшими. Но он чувствовал себя счастливым даже несмотря на то, что Стася в тот вечер чудила в свойственной ей манере. Кирилл собрал тех, кто был с ним все эти годы. Он хотел, чтобы все разделили с ними их праздник – годовщину. Но Стася встретила его поздравление с таким лицом, что ему потребовалось достаточно сил, чтобы не начать выяснять отношения прямо там. Их характеры были так схожи, что Бархатов каждый раз поражался этому. Стася также любила свободу, как и он. Но это не мешало им быть вместе все это время. Наоборот, она разделяла все его пристрастия, словно они были единым целым.

Всю дорогу она молчала, отвернувшись к окну. Он поглаживал ее руку в темноте и тербил подаренное кольцо. Когда они приехали, Бархатов отправил Глеба в гостевой дом. Было уже поздно, и ему хотелось, чтобы все отдохнули с комфортом. Он поступал так крайне редко, потому что ни ему, ни Стасе свидетели были не нужны. Но Глеб – другое дело. Почему-то он Бархатова не раздражал.

Уже в спальне Кирилл притянул к себе Стасю и провел руками вдоль ее тела, стаскивая платье. На ней не было белья, и это всегда возбуждало его. Возбуждение было и ее правилом. Он видел призыв в Стасиных глазах с самой первой встречи.

Но что-то изменилось. Бархатов не сразу понял это. Ее поцелуи были такими же горячими и жалящими, от них моментально закружилась голова. Кирилл тут же забыл о том, что случилось в ресторане, когда пальцы Стаси требовательно впились в его кожу. Она срывала с него одежду и не переставала целовать, постепенно спускаясь всё ниже и ниже. Тонкая, изящная, гибкая, как струна, с аккуратной небольшой грудью и узким лоном, она напоминала павшего ангела, которым сделал ее именно он. Но она была готова к своему падению. Это были ее слова в их первую ночь, когда Бархатов приковывал тонкие запястья наручниками к кровати, а затем раз за разом доводил ее до громкого, полного удовольствия крика всеми способами, которые знал. Разве мог он тогда представить, что это сумасшествие продлится столько времени, окрепнет и закончится разом в одну ночь на пике его страсти.

Стасе только исполнилось двадцать, когда они встретились. Танцовщица кордебалета в театре...

Бархатов с Гордецким как раз общались на тему реконструкции здания, и у Бархатова сводило зубы от нежелания связываться с этим проектом. Гордецкий ныл, Олег Матушкин бубнил что-то, вторя директору театра. И в этот момент двери репетиционного зала распахнулись. Бархатов поднял глаза, и из стайки выбежавших девиц сразу же выделил её. Она шла, глядя прямо ему в глаза. Без тени смущения, нахмурив брови и закусив нижнюю губу. Её белые волосы были влажными на висках, сквозь трико горошинами выделялись соски, а вязаные гетры обтягивали стройные ноги.

– Станислава, подойдите, пожалуйста, к нам и объясните Кириллу Андреевичу, как необходим ремонт нашему театру, – Гордецкий резво подскочил к девушке и подтолкнул её в спину.

Она медленно облизала губы, показав кончик розового языка. Бархатов почувствовал, как его сердце дрогнуло и тело моментально среагировало, так что ему пришлось сложить руки в замок и опустить их вниз.

Она изучала его. Скользила взглядом по лицу, плечам, груди. Задержалась на руках, а потом с полуулыбкой опять уставилась на него, не мигая, и Бархатов никогда уже не смог забыть цвет ее глаз. Кирилл пригласил ее на ужин, пообещав Гордецкому обдумать его просьбу. У Бархатова было столько проектов на тот момент, что часть из них пришлось переложить на Матушкина. Кирилл дневал и ночевал в офисе, сильно уставал, и оттого слишком часто срывался, пытаясь контролировать все и вся. Связь с кем бы то ни было не входила в его планы, но эта девушка оказалась той стеной, в которую он врезался на бегу, разбившись на мелкие осколки.

После ужина в тихом ресторанчике, рядом с театром, Бархатов дал ей шанс уйти, предложив вызвать такси, но она, коротко вздохнув, решительно вложила свою ладонь в его руку.

Если бы он знал, что всё закончится именно так, то не отвёз бы ее тем вечером в свой загородный дом. Следовало догадаться, что она вряд ли выдержит все это. Но Стася оказалась такой смелой и решительной и не испугалась тогда. Так что же случилось теперь?

Она была именно той, необходимой ему отдушиной. Никому не нужная, всеми брошенная. Без связей, без защиты, без семьи и близких.

Гибкое тело, сильные ноги, горячее дыхание, сжатые кулаки над головой и истерзанные его поцелуями губы – Бархатов не сдерживался, содрогаясь от дикого удовольствия. И Стася отвечала ему, двигалась навстречу, приподнимаясь над скомканными простынями. Тело ее становилось пенно-розового цвета под его сильными вездесущими руками. Она стонала, а он накрывал ее рот своими губами, ловя звук и горячее отрывистое дыхание. Отстегнув наручники, целовал запястья и ладони, а она, обхватив его лицо, не отрываясь смотрела, словно не веря своим глазам.

Если бы он знал, что она сделает потом, то никогда бы не связался с ней. Она умерла, чтобы погубить его, утащить за собой в ледяную пучину отчаяния и боли.

16

– Как он? – Матушкин взялся за ручку двери, но затем склонился к уху Вероники, едва не касаясь ее волос.

– Нормально. Работает, – Вероника искоса посмотрела на него, чуть отстранилась и вновь устала в экран компьютера.

Олег хотел было что-то сказать еще, но передумал. Скользнул взглядом по документу в открытом файле. Его губы тронула еле заметная улыбка. Повернув ручку двери, он вошел в кабинет Бархатова.

– Кирилл Андреевич? – Матушкин прищурился, оказавшись в полумраке кабинета после ярко-освещенной секретарской. – Это я.

Увидев фигуру Бархатова, Матушкин дотронулся до реле выключателя, но затем передумал и отвел руку. Лицо Кирилла, подсвеченное только отблеском светодиодной ленты с наружной стороны окна, ничего не выражало. Лишь пустой, лишённый мысли и эмоций взгляд.

– Кирилл, – Матушкин кашлянул и бесшумно подошел ближе.

– Что? – Бархатов не шелохнулся.

– Ну, ей-Богу, надо как-то взять себя в руки.

– Я абсолютно спокоен, – Бархатов наконец отлепился от окна и посмотрел на заместителя.

– Почему нет света? – Матушкин поежился от этого мертвого взгляда.

– Глаза устали, болят. – Бархатов передернул плечами. – Ты включи. Это я так...

– Да нет, если удобно, то пусть. – Олег присел на стул. То, что они перешли на ты еще ничего не значило, но, возможно, было неплохим знаком.

– Что хотел? – спросил Бархатов.

– Узнать, как ты. Обсудить текущие дела...

– Да, конечно, я готов. Чувствую себя не очень, но это скоро пройдет.

– Ты ни в чём не виноват, Кирилл. Это трагическая случайность, – уверенно произнес Матушкин. – Скоро ты забудешь все.

– Она плохо водила машину... – продолжил Бархатов. – Обещала, что не сядет за руль в плохую погоду. А ночью метель была, ветер...

– Вот видишь, – Матушкин ритмично постучал по столу костяшкой среднего пальца. – Глупая идея – дарить машину взбалмошной девице, которая и права-то получила с пятого раза.

– Ты не понимаешь. Это из-за ноги, – Бархатов потер лицо.

– Ещё бы. Все я понял. Но и ты меня пойми. – Лицо Матушкина смотрелось белым пятном в темноте кабинета. – Ты постоянно думаешь об этом – и это плохо. Нельзя останавливаться, нам нужно двигаться дальше. Все твои переживания вполне объяснимы, но сделать уже ничего нельзя. Никто ничего не узнает. Работай, погрузись в дела. Я помогу.

Бархатов вздрогнул:

– Я не могу... Она все время стоит у меня перед глазами.

– Черт, ну надо же как-то собраться! А, поехали, напьемся? – предложил Олег. – Поговорим, помянем Стасю? – Матушкин встал. – К тебе?

– У меня ещё... – Бархатов повернулся к компьютеру, но затем бессильно опустил руки.

– Я все возьму на себя! Юридической стороной займется Голышев. Ты же доверяешь нам? Тебе совершенно не о чем волноваться! – Матушкин говорил тихим вкрадчивым голосом, боясь спугнуть момент. Бархатов был нужен ему в хорошей форме. Как не вовремя погибла Стася! Глупая ничёменная девка, так и на понявшая, какой вкусный кусок отхватила. Не смогла проглотить – подавилась.

Матушкин ещё в ресторане заметил, что она была сама не своя. Смотрела сквозь него своими прозрачными глазами и делала вид, что его не существует. Забыла все хорошее, что он для нее сделал. Да, это было больно, неприятно, но будущее Стаси могло бы стать безоблачным. Что сложного в том, чтобы соответствовать пожеланиям Бархатова? Как-то ведь получалось у нее все это время? И проблем не возникало. Для чего еще нужна подобная женщина? Вкусы Бархатова своеобразны, но судя по тому, как она расцвела рядом с ним, они нашли общий язык.

Какого черта Кирилл вообще устроил эту вечеринку... Для чего нужна была эта демонстрация их отношений? Будто никто не замечает синяки, замазанные гримом, и следы от наручников под золотыми браслетами... Кого ты хотел обмануть, Бархатов?

А, впрочем, очень хорошо, что он так поступил. Глядишь, теперь все узнают.

Давно следовало исподволь запустить информацию о своеобразных наклонностях Бархатова и немного подпортить его реноме. Но разве испортишь таким образом мнение о его мозгах? Бархатов делал деньги буквально из воздуха, просчитывал комбинации на несколько шагов вперед, и за одно это следовало поступать крайне аккуратно с таким человеком. Бизнес не должен был пострадать.

Господи, как же противно смотреть на него! Умный и независимый Бархатов, как же... Не понимает, что только благодаря ему, Олегу Матушкину, он еще существует на этом свете и выглядит таким сильным и харизматичным. Живет, дышит, трахается, и изображает из себя господина мира. А по сути, просто конченный псих...

Как же не вовремя соскочила Стася! Идиотка. Пустая резиновая кукла.

Нужно найти другую такую же куклу. Бархатову все равно, кого ломать, лишь бы она отвечала его требованиям. Глеб – молодец, вовремя подсуетился. Надо присмотреться к нему, перетащить на свою сторону. Пока он ни на чьей стороне – обычный водила, физически развитый парень без особых извилин. Матушкин вспомнил взгляд Глеба, когда тот показывал ему фотографию. Удивление, непонимание... Да, мальчик опешил. И сам Матушкин в первую секунду просто охренел от увиденного. Но тут же пазл в его голове сложился. Дело было за малым – найти эту девицу и сделать ей предложение, от которого она не сможет отказаться.

И именно этим Олег занимался несколько часов. Полученная информация его полностью удовлетворила. Даже возраст сходил. Будет Бархатову подарок на Новый год. Быть может, на последний Новый год в его жизни. Все зависит от того, насколько правильно Олег сможет распорядиться выпавшей удачей. А он сможет. Небольшими шажочками, аккуратным отношением... Все будет правильно. Бархатов достаточно поизмывался над ним за эти годы. И не только над ним. Псих ненормальный, чертов конченный псих...

– Поехали, Кирилл Андреевич, отведем душу...

– Нет, – вдруг решительно возразил Бархатов. – Я хочу встретиться с теми, кто занимается поисками Стаси. Я должен знать, что происходит и...

– С ума сошел?! – зашипел Матушкин. – Чего ты хочешь добиться? Найдут ее, не переживай! Не сейчас, так весной, когда всплывет. Но вот это твое личное участие ни к чему, поверь. Испортишь себе жизнь. Начнут копать в твоём грязном белье...

– Не делай из меня монстра!

– А кто ты?! – Матушкин подался вперед. – Ты чуть не убил ее тогда на охоте!

Бархатов побледнел:

– Это была случайность... – еле слышно проговорил он.

– Вот и то, что произошло, случайность. Всё. Кончено! Забудь.

– Я не могу, – Бархатов пошатнулся, схватившись рукой за угол стола.

– Сможешь, – криво усмехнулся Матушкин. – Я помогу тебе.

17

Понедельник. Влада

Мила позвонила вечером, когда Влада вовсю занималась уборкой.

– Привет, ты как? – голос бывшей коллеги звучал несколько напряженно.

– Нормально. Привет, – удивилась Влада. Она совершенно не ожидала звонка. Прижав телефон к уху, прошла на кухню и села на табуретку.

За день она сто раз уже упрекнула себя за скоропалительное решение уйти из «Подiums». Может быть Ольга Александровна и не была бы столь категорична с ней, если бы выслушала Владу. А ей самой не следовало вестись на намеки Милы. Это все влияние Стаси – будто яд попал в кровь и теперь заставлял совершать необдуманные поступки.

– Что ты хотела, Мил? Как сама? – произнесла она, сознавая, что еще пара секунд, и из нее польются оправдания и просьбы.

– Тебя искали сегодня...

– Надеюсь, что Ольга Александровна не сильно кричала? Понимаешь, я...

– Нет, не она.

Влада перехватила трубку другой рукой и смахнула со стола пылинку. Где-то накосячила задним числом? Нет, этого просто не могло быть – Влада всегда старалась быть очень внимательной.

– Короче, тут твой...э... – Мила откашлялась, – букет лежит. И ещё конверт.

– А что в нем? – быстро спросила Влада, растерянно захлопав ресницами.

– Ты хочешь, чтобы я залезла внутрь?

– Подожди, он запечатан?

– Нет.

– Тогда просто посмотри, – попросила она, не в силах сдержать интерес и легкое замешательство. К сюрпризам она была совершенно не готова.

В трубке послышалось шуршание.

– Короче, это билет, – ответила Мила.

Влада нахмурилась, ожидая продолжения.

– Билет в театр, – хмыкнула приятельница. – Не знала, что ты театралка.

– Мил, ты не ошиблась? Это точно мне? Ну, то есть, может быть перепутали меня с кем-то? – стала сыпать вопросами Влада.

– Да я так и подумала сначала, но на конверте написано: «Владиславе Белогуровой». Это ведь ты?

– Я... – Влада встала с табурета и стала ходить из комнаты в комнату. «Кто? Зачем? Почему?»

– Ну что, ты придешь за ним? – довольно резко спросила Мила.

– Конечно! Сейчас, уже одеваюсь!

– Тогда крути колесами быстрее. Мой приедет к закрытию. Ждать не будем.

– Да, конечно! Я поняла!

Влада заметалась в поисках одежды, запнулась о пакет с купленным костюмом. Сунув ноги в старые ботинки, влезла в пуховичок – не до нарядов уже. Кто ее увидит вечером? Оставалось около сорока минут до закрытия центра, и Влада судорожно прикидывала – не вызвать ли такси. Но ждать машину не хотелось. Она понеслась на остановку в надежде на маршрутку. Удача была на её стороне – отъезжавшая пассажирская газель притормозила через несколько метров от остановки.

– Спасибо огромное! – крикнула Влада, влетая внутрь.

– Такую красавицу грех не подождать! – подмигнул водитель.

Влада вспыхнула и тут же посмотрела на своё отражение в стекле. «Красавица?!»

Мила вышла из дверей центра, зажав пакет локтем. Увидев бегущую Владу, тряхнула завитыми локонами и отвернулась.

– Привет! – Влада почти врезалась в нее.

– Черт! – Мила отскочила, ошарашенно вскинув брови. – Что это?

– Это я, – тяжело дыша, ответила Влада. – Бежала, чтобы не опоздать.

– Что ты с собой сделала? – Мила была поражена. – Это парик?

– Нет, конечно... – растерялась Влада. – Тебе не нравится?

Мила сунула ей в руки букет кустовых роз в плотной бумажной обёртке.

– Непривычно просто. Не думала, что ты можешь быть такой...

Влада набрала в грудь морозный воздух:

– Я всё могу...

– Ну-ну, – усмехнулась Мила, – тогда дерзай. – Она достала из сумки конверт. – Про зарплату сама с Ольгой Александровной разговаривай. По большому счету, так ты нас подставила. Не вышла на работу, не предупредила. А это, знаешь ли, дело такое... Я бы за подобное еще и рублем наказывала.

«Вот когда у тебя будет свой магазин, тогда и заведешь себе холопов», – Влада вспомнила, сколько раз прикрывала Милу на рабочем месте, но говорить этого не стала. В чём-то та была права. Ну и ладно. Завтра же надо написать резюме и выложить его на сайтах.

– Спасибо, что позвонила. Удачи тебе, Мила! – Влада улыбнулась.

– И тебе не хворать, – Мила снова оглядела ее с ног до головы и торопливо зашагала в сторону стоянки.

– Пока, подружка, – пробормотала Влада, сжимая в руке конверт. Через секунду ее внимание было полностью поглощено именно им.

Обычный, плотный, песочного цвета. Имя, написанное от руки. Внутри красочно оформленный билет-приглашение на балет «Щелкунчик». Влада прислушалась к своим ощущениям, пытаясь понять, что чувствует. Но кроме недоумения внутри пока ничего не было. Чья-то шутка? Но чья?

Площадь перед центром почти опустела. Охранник за освещенной дверью, покачиваясь с пятки на носок, рассматривает ее сквозь стекло. Конечно, ее – Влада стояла прямо под фонарем, в круглом пятачке света, отбрасывая длинную бесформенную тень на заснеженную поверхность.

Она поёжилась, накинула упавший во время бега капюшон. Уши уже превратились в хрупкие ледяные ракушки. Да и цветы мерзли в руках. И за пазуху их не заткнешь, потому что букет напоминает плотный шар из-за розовых бутонов и колючей глянцевой зелени. Влада поправила бумагу по краям и пошла к остановке. Приблизительно в это время уходил последний троллейбус в сторону ее дома.

В троллейбусе было так же холодно, как снаружи, но Влада, прижав к себе цветы, чувствовала, как внутри нее разливается тепло. Стало неважно, кто подарил их, и с какой целью. Цветы теперь принадлежат ей, даже если этот человек ошибся. Всё-таки Милка права насчёт потока энергии. И если Владе было еще далеко до вселенского порядка, то уж поднятая пыль от давно слежавшейся жизни по всей видимости заставила работать какие-то неведомые механизмы. Вот уже и цветы, и театр, и тайна – атрибуты красивой женщины в повседневной жизни...

Размечтавшись, Влада в последний момент заметила знакомые дома и, вскочив, понеслась к выходу. Немолодая кондукторша, с какой-то паклей вместо волос под вязаной шапкой, тоскливым взглядом проводила ее до двери. Скорбно поджав бесцветные тонкие губы, она ничего не ответила на радостное «спасибо», которое выкрикнула Влада.

Снег сухо поскрипывал под ногами. Он совершенно не прилипал к обуви и разлетался искрящейся пылью в разные стороны. И в этом звуке Владе мерещился звон колокольчиков и рождественский гимн её будущим победам.

18

С цветами вообще такая история – ты придаешь им значение, выстраиваешь целую схему дальнейших взаимоотношений, основываясь на собственных иллюзиях. Но, по сути, букет может даже не нести никакой смысловой нагрузки, становясь приложением к естественному ходу вещей, где ты являешься лишь шестерёнкой в механизме желаний другого человека.

Влада действительно так думала. Как и осознавала тот факт, что цветов в её жизни было крайне мало. То есть, практически, этот букет был вторым.

Первый она получила от однокурсника и так впечатлилась, что надумала себе целую историю. Тогда ей тоже казалось, что она влюблена. Ее избранник был милым, немного угловатым и, как сказала бы Мила, потёртым. Собственно, у Милы все люди были серыми, если не одевались в дорогую брендовую одежду и не соответствовали последним веяниям моды.

На момент начала отношений Влада не задавалась вопросом, почему они понравились друг другу. Ей было приятно его внимание. Сначала они пошли в кино, потом в парк. Через неделю он пригласил ее в кафе и, встретив на остановке, вручил букет. Он-то и произвел на нее впечатление.

Это было обычное кафе, где с часу до четырёх подавали бизнес-ланчи. Правда приходили на них не лощёные бизнесмены в строгих костюмах, а обычные работники из ближайших контор в свитерах и застиранных джинсах. Внутри уютно пахло выпечкой, столики были деревянными, а салфетки в стаканчиках – кружевными. Владе там понравилось.

Мальчик старался выглядеть и вести себя мужественно, поэтому угощение выбрал сам. Тарелка с пирожными, три сорта мороженого с наполнителем, бутылка шампанского. Это было похоже на настоящее любовное свидание и выглядело очень убедительно. Им даже принесли вазу под цветы – пять роз среднего размера с толстыми стеблями и острыми, похожими на когти хищной птицы, шипами.

Потом Владе было безумно стыдно вспоминать этот день, но со временем она успокоилась. Тем более, что мальчик этот перевёлся в институт в соседнюю область, и они перестали видеться.

Почему она вдруг решила пойти после кафе к нему домой, было вполне понятно. Скучная серая жизнь окутала Владу пуховой шалью, мешая дышать и видеть мир во всех его красках. Да и был ли он этот мир? На страницах журналов, разумеется, да. На экране телевизора, на рекламных проспектах, в роскошных глянцевых автомобилях и за шторами величественных особняков, но точно не в окружении Влады. Хотелось ли ей туда? Конечно. Но она знала, что не дотягивает. Не умела подать себя, не могла соответствовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.